

Глава III

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

§ 1. «ДО ЭТОГО НЕБЫВАЛОГО ПОЗОРА МОГЛИ ДОЙТИ ТОЛЬКО ЛЮДИ, ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОТЕРЯВШИЕ ВСЬ СВОЙ ИДЕЙНЫЙ БАГАЖ, ЛЮДИ, НЕ СТЕСНЯЮЩИЕСЯ В СВОЕМ ПАДЕНИИ ДЕМОНИСТРИРОВАТЬ ВСЮ СРАМОТУ СВОЮ»: ПАРТИЙНО-ЧЕКИСТСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ «ВСЕНАРОДНОГО ОСУЖДЕНИЯ» ЭСЕРОВ.

1.1 Митинги, собрания трудовых коллективов и резолюции «всенародного осуждения»

«Всенародное осуждение» было важнейшим элементом антиэсеровской кампании (как и всех других последующих кампаний) и его значение далеко выходит за рамки части пропагандистской кампании, развернутой властями, каковым оно безусловно и являлось.

Член ЦБ ПСР Г.К. Покровский в письме из Москвы от 12 июня 1922 г., адресованном в заграничную делегацию ПСР, восклицал: «Процесс эсеров вытеснил собой остальную жизнь России. Кроме этого процесса у большевиков, кажется, нет никаких нужд, никаких забот. Вопросы голода, промышленности, транспорта, засева полей и т. д. и т. д. — все это отошло на задний план, или вовсе выброшено за борт внимания. Десятки тысяч газет центра и провинции, обслуживающих партийные большевистские губкомы, исполкомы и всякие отделы от первой и до последней страницы заполняются „фактами“ о предательствах и разбоях „бандитов“ эсеров и все это помещается под заголовком „процесс эсеров“ <...>. Нужно ли говорить, что эти десятки тысяч казенных газет, разоблачая эсеров, выявляют „истинное настроение“ рабочих и крестьян, в миллионах всевозможного рода резолюций. Резолюции... резолюции... без конца резолюции, выражающие оскорбленное чувство трудящихся и требующих одного: не расстрела эсеров, а самой мучительной казни. Зрелище для какого-либо туриста-европейца, знакомого с Россией из окна вагона первого класса, поистине грандиозно и изумительно. <...> Со всеми миллионами резолюций рабочих и крестьян, происходит то же, что происходит со съездами советов. Страна, насчитывающая в себе 120 млн жителей, озлобленных против большевиков, хронические восстания, при всяком удобном и неудобном случае распарывающая животы очутившимся без надлежащей охраны коммунистам, — эта страна на все съезды и конференции посылает 96—97% коммунистов. Ясно, что выборы происходят при помощи штыка, а не избирательной карточки, точно то же происходит и с резолюциями, выявляющими гнев по адресу эсеров и требующих их казни. <...> Словом, Левиафан, со всем его грандиозным карательным-принудительным аппаратом, с техническими средствами в виде почты, телеграфа, телефона,

железных дорог, самолета, печатного станка, газет, журналов и т. д. — все это брошено на борьбу с „кучкой бандитов эсеров“ спокойно, с розами в петлицах сидящих на скамье ревтрибунала и временами беспощадно бичующих обвинителей, грязно-кровавыми руками сфабриковавших процесс»¹.

Как видно из протоколов седьмого заседания «Агиткомиссии ЦК РКП(б)» от 7 июня 1922 г., сами коммунисты называли это действие «петиционной кампанией»², хотя на традиционные петиционные кампании начала XX в. все, что развернулось в России в мае — июне 1922 г., походило мало.

Использование «петиционной кампании» в качестве оружия в политической борьбе не было придумано большевиками после Октября 1917 г., эта форма широко использовалась российским освободительным движением в борьбе с царским режимом. Широко известны либеральные банкетные кампании. Не менее широко известно крестьянское «приговорное движение», которое всеми силами в годы революции 1905—1907 гг. стимулировало эсеровская партия через сеть своих партийных «крестьянских братств». Вынесение резолюций тем или иным партийным собранием зачастую использовалось российскими революционерами и как средство во внутривнутрипартийной борьбе, и как орудие борьбы со своими политическими конкурентами или противниками. Вынесение резолюций на партийных собраниях весьма широко практиковалось и в условиях российской нелегальной работы и в условиях эмигрантского существования, став неотъемлемой частью повседневной жизни революционной среды, и одновременно ее традицией и необходимой частью бытования. Усвоение этой новой традиции (собрания и резолюции) самыми разными слоями общества в годы революции 1905—1907 гг. произошло достаточно легко, вероятно, потому, что для крестьянской России эта новая традиция явилась всего лишь видоизменением многовековой традиции мирских сходок с их приговорами. С легкой руки партийных работников, собрания и резолюции стали приметой революционного времени: от банкетных кампаний до резолюций митингов взбунтовавшихся солдат. Впрочем, нечто подобное практиковалось и противостоящей стороной. Так, например, монархически и черносотенно настроенные круги общества всячески выражали в это время поддержку власти, посылая по собственной инициативе в адрес царя бесчисленные коллективные приветственные телеграммы, адреса, депутации и т. д. и т. п. Эти формы, как и шествия черносотенцев с портретами царя были крайне важны власти и являлись для нее важным средством политической борьбы. Известно, как серьезно царь относился к этому потоку верноподданнических проявлений, видя в них поддержку своего курса на сохранение абсолютной монархии. Естественно, что это волеизъявление только отчасти было стихийно, сплошь и рядом получая импульс со стороны местных властей. Широко известно, что последний министр внутренних дел незадолго до падения режима через жандармские управления организовывал верноподданнические приветствия.

Но большевики придали этому совершенно иное качество. Ноу-хау большевиков заключалось в том, что они, став властью, использовали такую форму борьбы, как резолюция, направлявшаяся ранее оппозиционными силами против власти, против самой оппозиции. Но самое важное, что используя для этого все властные рычаги, вплоть до силового давления, арестов и увольнений, они включили в эту игру практически все катего-

рии населения. За годы гражданской войны и партаппаратом и чекистами был накоплен подобный опыт, и в 1922 г. вопрос стоял во многом лишь о нахождении оптимальных и технологичных форм его использования. Впервые в истории режима были проведены столь всеохватные кампании — агитационная кампания власти и «всенародное волеизъявление и осуждение», которые, как волны, шли навстречу друг другу. «Всенародное волеизъявление и осуждение», конечно, было подготовлено и организовано самой властью, бросившей на это и немалые финансовые средства, и всю мощь своего партийного и пропагандистского аппарата, и полицейский аппарат.

Решение о проведении рабочих собраний, клеймящих эсеров, было принято 6 мая 1922 г. на очень высоком уровне — на втором заседании комиссии Политбюро («тройки Политбюро») РКП(б), на котором присутствовали Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, записавшие 27-м пунктом следующее решение: «Поручить Петроградскому и Московскому губкомам организовать выступления рабочих по поводу процесса»³. Дирижировала же этой кампанией «народного волеизъявления» Агитационная комиссия ЦК РКП(б) по проведению антиэсеровской кампании, которая уже на втором своем заседании (присутствовали Я. А. Яковлев, Н. Н. Попов, И. В. Вардин, Б. Ф. Малкин), рассматривая вопросы «О проведении эсеровской кампании на местах» и «О формах агитации на местах», постановила: «б) Поручить тов. Попову и Яковлеву написать телеграммы всем Губкомам в связи с подготовкой и проведением процесса с.-р 7 а) Пресса; б) Митинги с резолюциями с немедленным опубликованием в печати и посылкой в центр, в) Систематическая информация по телеграфу Агитроста через корреспондентов о ходе кампаний, г) Кампанией руководит тройка из Секретаря Губкома, редактора газеты и Заведывающего Агитпропом, д) Осветить специально работу эсеров в данной губернии, районе и проч., е) Аналогичные указания дать по военной линии»⁴.

Кроме того, организация подобных собраний проходила в тесном контакте партийных органов и ГПУ. Более того, как свидетельствуют документы «тройки» ГПУ, чекисты не являлись лишь проводниками воли «тройки» Политбюро, а сами в данном вопросе являлись инициаторами новых технологий и приемов, обращаясь в МК РКП(б) с рекомендациями по реализации того или иного замысла. МК РКП(б) и ГПУ предпринимали серьезные усилия для того, чтобы тщательно готовившееся ими изъятие «всенародного гнева» на преступления эсеров проходило без нежелательных эксцессов.

Важнейшей задачей чекистов стала организация совместно с МК РКП(б) дежурства чекистов на всех собраниях и митингах, где выносились резолюции, осуждавшие эсеров, с выявлением всех тех, кто выступал против (особо это касалось собраний на заводах и фабриках), а также организация постоянного дежурства у телефонов чекистов Московского Губотдела ГПУ (МГО), для оперативного реагирования на соответствующие сигналы.

Соответствующие решения были приняты 23 мая и подтверждены 24 мая 1922 г. Было решено просить МК РКП(б) извещать СО ГПУ «о всех собраниях, назначаемых на фабриках и заводах, а также о всех митингах», а СО ГПУ, МГО и МК РКП(б) выделить «по одному товарищу для несения дежурств»; провести собрание райуполномоченных МГО; поручить МК РКП(б) выделить лучших коммунистов для участия

в фабрично-заводских собраниях и митингах, сообщить им фамилии и номера телефонов тех чекистов, с кем они должны поддерживать связь; мобилизовать группу «разведчиков ГПУ и МГО не менее, как по 10 человек для несения постоянных дежурств на время процесса правых с.-р.» и восстановить «мобилизацию по отделам, с которыми должна поддерживаться телефонная связь»; уточнить «дислокацию московских фабрик и заводов, ячеек, фамилии ответственных секретарей ячеек и районных уполномоченных МГО»; представить сведения о настроении всех партийных группировок, также рабочих и служащих на транспорте⁵.

Каким методами властям удавалось добиваться, как правило, «единодушных» резолюций рабочих собраний и митингов, клеймящих эсеров, показывает решение «технической тройки» ГПУ от 24 мая 1922 г. В нем говорилось: «Просить МК РКП дать соответствующие инструкции ячейкам, а тов. Савватьева — районным уполномоченным — всех выступающих на митингах и собраниях правых эсеров, а также выступающих в защиту их арестовывать. При невозможности производства ареста брать на учет»⁶. Заграничная и подпольная эсеровская и меньшевистская пресса в это время приводила многочисленные примеры арестов всех, кто пытался на митингах усомниться в обоснованности обвинений против эсеров.

Крайне важен вопрос о том, насколько все эти резолюции, декларации и выступления отобранных делегатов отражали подлинное настроение рабочих? Каковы же в реальности были настроения различных слоев на процесс эсеров? Как проходили митинги на заводах и в городских районах? Какие резолюции и каким образом на них выносились? Была ли заметна контрпропагандистская работа эсеров и меньшевиков? Как реагировали на нее рабочие, студенты, служащие и т. д.?

Отчасти на эти вопросы можно получить ответ из наблюдений свидетелей. Механизм проведения митингов и принятия резолюций великолепно описал в письме Э. Вандервельде анонимный корреспондент. Его письмо, посланное из Петрограда в Москву «Бельгийскому гражданину Э. Вандервельде», было задержано МГО ГПУ и передано в 3 отделение СО ГПУ: «Добро пожаловать Э. Вандервельде! Конечно, Вы не сомневаетесь, что на пути в Москву и в Москве Вас встречал не русский народ, а большевики. Письмо к Вам эсеров понравилось; случайно мне удалось услышать как один рабочий говорил другому: „Хорошо с.-р. кроют большевиков“. В резолюции на заводах и фабриках — относительно с.-р. — конечно Вы не верите. Ведь известно, как они принимаются: Большевик произносит длинную, скучную речь, а потом прочитав подготовленную резолюцию, спрашивает: „кто против?“ Никто рук не поднимает — действует террор, который обещает, при случае, повторить Ленин в одной из последних своих речей. Если большевик дурак, то он во время первого голосования спрашивает „кто за резолюцию“, рук также никто не поднимает»⁷.

Меньшевик Б. Двинов так описывал в июне 1922 г. в «Социалистическом вестнике» технологию проведения митингов и «петиционной кампании»: «Митинги. Конец работы. Собираются уходить. Вдруг шум. Ворота на запоре. Что такое? „Митинг против эсеров“, никого не пропускают. Стоят — слушают, пока оратор не кончит свою нудную канитель, никого не интересующую, и можно будет уйти домой.

— Кто „за“? — спрашивает председатель.

— Все, — отвечает директор завода.

„Единогласно“ подтверждает первый, и на завтра в „Правде“ появляется новая резолюция. Но уже посылалось больно много этих резолюций и большевики смекнули, что, пожалуй, Европа не поверит, что так уж необходима стала всем кровь эсеров!.. Так необходима, что где уж нам думать о каком-то прозаическом займе — не до него! Смекнули и решили — не поверят! Надо подкрепить. Чем? Подписать. Дан был лозунг: **петиции!** „мы, мол, рабочие ...такого завода просим с.-ров расстрелять“. А на заводе спрашивали товарища рабочего: „не хочешь подписать? А вылететь с завода хочешь?“ ...Остальное ясно⁸.

Но мы имеем возможность посмотреть на эти митинги и настроения их участников и с помощью такого совершенно уникального источника, как секретные агентурные донесения чекистов, посещавших часть этих митингов (это называлось — «выслать разведки»). Безусловно, картина настроений была весьма пестрой. Прежде всего, следует отметить, что там, где собрания трудящихся были по своему составу подобраны, там, как правило, все проходило для властей спокойно и резолюции принимались «на ура!». Так было на собраниях, которые проводились в летних садах в каждом из районов Москвы, куда пускали строго по билетам. Таким образом, партийные и советские органы, организовывавшие эти собрания, с одной стороны, искусственно обеспечивали достаточно лояльный состав их участников, с другой стороны, из-за фактически пропускной системы туда не могли проникнуть для выступления эсеры и меньшевики.

А вот в постоянных коллективах, по месту работы такие собрания таили порой немало неприятных сюрпризов. И не только потому, что не было «организованного» энтузиазма у очень многих участников таких собраний, но еще и потому, что несмотря на угрозы арестов, на них нередко выступали эсеры и меньшевики, а то и просто критически мыслящие рабочие, проваливавшие казенные резолюции. Впрочем, на заводских собраниях, картина настроений и прохождения резолюций тоже была весьма пестрой.

Посмотрим на сообщения чекистов в том порядке, как они отложились в «Агентурном материале о ходе собраний на предприятиях г. Москвы, по поводу процесса»⁹. На собрании Рогожского района, состоявшемся в конце мая в летнем саду, присутствовало около 500 человек, резолюция коммуниста-докладчика — «с предложением всех обвиняемых — расстрелять» была принята единогласно¹⁰. На собрании 25 мая на Прохоровской Трехгорной мануфактуре после доклада Луначарского была принята гневная резолюция против «партии убийц и изменников трудящихся», как написано в записке, «всеми голосами при одном против и пяти воздержавшихся». Отметим, что начальник СО ГПУ Т. П. Самсонов подчеркнул эти последние слова и отправил документ своему сотруднику — «для сведения»¹¹. На собрании на фабрике Абрикосова, состоявшемся 29 мая, доклады о Генуэзской конференции и о суде над эсерами «<...>были выслушаны с интересом и сочувствием». Вопросов к докладчиком не возникло, выступлений не было, кроме реплики рабочего Зубарева о том, что следует не принимать резолюцию о Генуэзской конференции, а принять доклад к сведению. За это он был обвинен докладчиком (Виноградовым), будто Зубарев хочет вернуть старого хозяина — Абрикосова. После перепалки Зубарев заставил Виноградова взять свои слова обратно, так как он при Абрикосове «на заводе еще не работал»¹². Обращает внимание манера поведения докладчика, без сколько-нибудь серьезного повода перешедшего к таким облыжным обвинениям.

Собрание 29 мая в паровозных мастерских Московско-Казанской ж.-д., где присутствовало около 250 человек, «прошло очень спокойно». После речи докладчика — «представителя РКП» разразились «бурные аплодисменты и возгласия „Ну, эс-эрики. Где же вы попрятались“ и т. д.»¹³. Резолюция была принята «единогласно при двух воздержавшихся», а расходясь, некоторые рабочие говорили: «Покончили бы с ними разом. Чего там церемоняться»¹⁴.

На митинге в летнем саду на Семеновской площади 30 мая присутствовало около 1000 человек. Вход в сад был только по специальным билетам, «распределенным раньше уже по заводам». После полуторачасовой речи докладчика была принята «почти единогласно» резолюция, в которой «рабочие Рогожского района» требовали «сурового наказания членам эсэровского Центрального Исполнительного Комитета». Об уровне полемики официальных ораторов дает представление то, как ответил докладчик на единственный вопрос, «заданный одной женщиной: „Где остановился Вандервельде?“». «т. Чуче (докладчик. — К. М.) ответил, что присланный навоз нам в Россию мы должны целиком отослать обратно, на то мы дали гарантию»¹⁵.

На собрании рабочих фабрики бывшей «Густав Лист», состоявшемся 31 мая в фабричной конторе, присутствовало 15—18 человек и чекист не смог дожидаться резолюции, «т. к. присутствующие знают хорошо друг друга», но отмечал «правильный характер доклада»¹⁶. На состоявшемся в тот же день собрании рабочих Курских главных вагонных мастерских, после доклада Ю. М. Стеклова была вынесена «резолюция для привлечения эсеров к ответственности, но один рабочий подал тов. Стеклову записку, чтобы им была высшая мера наказания расстрел». В целом же «рабочие к собранию отнеслись очень внимательно»¹⁷. На собрании рабочих службы пути Северной железной дороги 31 мая, где присутствовало 18 человек (из них 15 коммунистов), резолюции принято не было, т. к. докладчик предложил, «чтобы каждый свои мысли изложил и подал к следующему собранию, а резолюции нам как большинству здесь участвующих на собрании партийном известно, что мы можем вынести»¹⁸.

На собрании студентов Хамовнического района (Высшие женские курсы), состоявшемся 1 июня, было 2—3 тысячи человек (по другой чекистской записке — 700 человек). Из видных коммунистов был Л. Б. Красин, а Н. И. Бухарин, будучи приглашенным, не пришел по «формальным соображениям» — как «защитник обвиняемых». После двухчасового доклада заместителя наркома здравоохранения Соловьева о Генуэзской конференции и о процессе над эсерами была прислана масса записок с вопросами. Девять «наиболее двусмысленных вопросов» были таковы: «1) „Где сейчас Слашев?“ Ответ — „В Москве“. „Что он делает?“ Ответ: „Занимает должность инспектора Высших учебных заведений РККА“. 2) Возможно ли будет созвать Гаагскую конференцию, если будет мешать 2 и 2 1/2 Интернационал. 3) Если присудят строго эсеров, не пострадают ли наши представители за границей. 4) Как смотрит РКП на эсеров, как на противников или как на преступников. 5) Чем объяснить непопулярность коммунистов среди крестьян. 6) Как поступили коммунисты с эсерами после Октябрьской революции, если коммунисты говорят, что эсеры поступили теперь неправильно с ними. 7) Наладит ли Германия нашу промышленность. 8) Почему Америка, имея массу безработных, кормит наших голодающих. 9) Какая цифра безработных у нас»¹⁹. После собрания были приняты резолюции «об одобрении политики, какую вели представители Советского правительства на Генуэзской конференции[,] и по

отношению к эсерам просят применять такую меру наказания, какую они заслужили»²⁰. На собрании рабочих газового завода 1 июня, на котором присутствовало 50 человек, была единогласно принята резолюция о привлечении «всех поджигателей и преступников к высшей мере наказания расстрелу»²¹.

Всего 1 июня в Москве состоялось 8 собраний, на которых чекисты зафиксировали несколько «единоличных контрвыступлений» или неблагоприятный оборот дела. В Краснопресненском районе на пленуме райсовета левый эсер К. Н. Прокопович выступил в защиту эсеров и был исключен из членов районного Совета²². На заводе Варц и Мак-Гиль в Сокольническом районе из 150 присутствовавших на собрании рабочих за резолюцию докладчика-коммуниста проголосовало 40 человек, двое — против, остальные воздержались. На вопрос «о мотивах воздержания один из рабочих (личность установлена) ответил вопрос[ом]: почему сейчас „судят не тех, кто стрелял, бил и грабил“ рабочих, когда те „ездили за картошкой и хлебом“, а тех, которые „не так виновны, как о них говорят“»²³. На собрании студентов Хамовнического района, хотя и была большинством голосов принята прокоммунистическая резолюция, но наряду с ней «фигурировали два других проекта резолюций: 1) с упоминанием просто о суде (не суровом); 2) о смягчении наказания партии с.-р.»²⁴. Кроме этого в Бауманском районе отмечалась эсеровская агитация на нескольких заводах и в целом недовольство рабочих. Так, например, на фабрике Пролетарий Цустрана «одним из рабочих штамповального отделения ведется эсеровская агитация и вообще рабочие этого отделения настроены в эсеровском духе. В штамповальном отделении 40 человек рабочих из общего числа 200 чел. на всем предприятии. Среди рабочих 2-й типографии МСНХ наблюдается недовольство по поводу встречи, оказанной заграничным защитникам эсеров со стороны московских рабочих. Со стороны отдельных лиц наблюдается эсеровская агитация (личности установлены). Рабочих 900 чел., ячейка — 13 чел. На фабрике бывш. Шапова наблюдается подобное же настроение, как в 2-й типографии. Рабочих 87 человек. То же самое наблюдается на фабрике Вознесенской мануфактуры. Рабочих 700 человек»²⁵.

Такие сообщения были не единичны. Так, например, в сводном точном рапорте МГПО за 29 мая 1922 г., помимо дословного повтора уже цитированных донесений, сообщалось: «Городской район. Настроение рабочих 39-й типографии в связи с процессом эсеров пассивное. Большевики молчат. Общее политическое настроение преобладает меньшевистское. Замоскворецкий район. <...> Состоялось общее собрание рабочих трамвайного парка по вопросу о процессе эсеров. Выявились, что настроение рабочих пассивное, хотя и принята наша резолюция. Присутствовало около 400 человек. Сокольнический район. Среди рабочих Алексеевской водоканалки идут неодобрительные толки по поводу встречи заграничных защитников эсеров, устроенной московскими рабочими, причем говорится, что такое поведение недостойно коммунистов»²⁶.

2 июня 1922 г. были отмечены следующие «к.-р. выступления»: «Сокольнический район. Фармазавод № 2. Зафиксировано выступление меньшевика против процесса над партией с.-р. Выступление особого успеха не имело. Хамовнический район. На общем собрании рабочих 7 типографии выступила местная группа меньшевиков в защиту эсеров, в результате чего собрание никакой резолюции по докладу не приняло. <...> Красно-Пресненский район. Среди курсантов Свердловского универси-

тета наблюдается перелом в отношении настроения к защитникам эсеров и до некоторой степени сожаление о плохой встрече[.] приготовленной для них, критическое отношение к статьям по вопросам о встрече защитников и пр.

Вышие курсы по сельскохозяйственной кооперации. Двумя слушателями с.-р. ведется против процесса и в защиту Вандервельде и К^о агитация, но она особого влияния на слушателей не оказывает»²⁷.

Общий фон глухого недовольства, пассивности и «правильного» голосования взрывался иногда очень резкими действиями рабочих, когда арестовывали их товарищей. Так, например, 6 июня 1922 г. забастовало 600 рабочих ткацкого отделения Прохоровской Трехгорной мануфактуры — «<...>в связи с арестом шестерых рабочих этого же отделения за с.-р. агитацию. Созывается сегодня в 4 часа дня собрание рабочих для обсуждения этого вопроса и кроме того рабочими выдвинут вопрос о тарифе, несмотря на то, что этот вопрос уж на днях разрешен, который является вероятно фикцией для скртия настоящих причин созыва собрания»²⁸. Впрочем уже на следующий день чекисты докладывали, что забастовка «ликвидирована»²⁹.

7 июня на пленуме Моссовета после доклада К. Б. Радека с критикой «на неправильность тактики Сов. Власти в отношении с.-ров и проч.» выступил левый эсер И. З. Штейнберг, что, впрочем, не помешало принятию резолюции единогласно при двух воздержавшихся³⁰. Тогда же в Замоскворецком районе в Литографии картографического отдела после доклада о процессе с.-ров «выступила группа меньшевиков», но все же была принята резолюция, предложенная коммунистами (36-ю голосами против семи)³¹. Но самым примечательным в этот день было волнение рабочих фабрики бывш. Бутикова (в Хамовническом районе), как реакция на арест шести рабочих Прохоровской трехгорной мануфактуры³².

9 июня 1922 г. на собрании рабочих завода «Динамо» в защиту эсеров выступил рабочий-меньшевик, но большинством голосов была принята резолюция партячейки (при трех воздержавшихся).

13 июня на стене ремонтных мастерских Александровской ж.-д. была обнаружена сделанная мелом следующая надпись: «партия большевиков-коммунистов продала свою идею капиталу, угнетает рабочих и крестьян». 14 июня на общем собрании, в присутствии 220 рабочих фабрики «Цустрэн» выступило двое рабочих, заявивших, что «<...>**выносить всякие постановления, касающиеся суда, дело не рабочих, а самого суда**» (выделено нами. — К. М.). Обращает на себя внимание не только то, что двое рабочих высказали столь здоровое суждение, демонстрировавшее их нежелание принимать участие в чужой игре, но и то, что эта позиция нашла понимание аудитории, провалившей резолюцию коммунистов³³.

Схожая ситуация была и во 2-й типографии, где за официальную резолюцию проголосовало 25 человек из 900 присутствующих. В 20-й типографии рабочие раскололись на две части: большая солидарна с коммунистами (по оценкам чекистов), меньшая — высказывается за соблюдение нейтральности³⁴. Оппозиционно были настроены и рабочие 6-й типографии, где на общем собрании 20 июня один из них, протестуя против предложенной резолюции, заявлял: «<...>коммунисты заставляют насильно голосовать и агитировать за насилие над другими партиями, а сами делают всевозможные безобразия». В результате за резолюцию проголосовало 12 человек, а остальные воздержались³⁵.

Впрочем, чекисты нередко фиксировали и отсутствие у части рабочих интереса к процессу (как, например, у рабочих фабрик быв. Викулы Морозова и Зимина (Орехово-Зуевского уезда)³⁶. Одновременно отмечалось, что по заводам г. Москвы и Московской области распространяются эсеровские и меньшевистские листовки³⁷.

Реакция властей на брожение рабочих на отдельных предприятиях была прямолинейной и весьма показательной. Как видно из этих сообщений, у выступавших против резолюций устанавливали личность и арестовывали их уже после собраний (чтобы не волновать рабочих). Кроме того, местных чекистов заставляли рапортовать ежедневно о настроениях рабочих в своем районе³⁸. И наконец, на некоторых предприятиях решили санировать коллективы путем... сокращения штатов. Так, например, в злополучной литографии, где 7 человек голосовало против резолюции, решили сократить штаты сразу на 56 человек³⁹. Подобную же операцию провели и на ряде заводов, что породило новые волнения и недовольство рабочих.

Но все эти проявления инакомыслия и разномыслия, демонстрировавшиеся рабочими, студентами, крестьянами, служащими на собраниях и митингах, как и манипуляция властей этими собраниями, в том числе и запугиванием обывателя и арестами инакомыслящих, конечно же, не попадали на страницы прессы. А вот резолюции, где трудящиеся клеймили эсеров и требовали их расстрела печатались тысячами в тысячах газет по всей стране.

Ценнейшие материалы, позволяющие нам не только познакомиться с резолюциями (часть их публиковалась в партийной и советской прессе), но и увидеть кухню организации «всенародного осуждения», хранятся в томе 41 «Протесты общественности против ПСР» фонда Н-1749. В нем собрано более двух сотен резолюций, петиций, протестов рабочих, красноармейцев, крестьян, высказывающих свое гневное осуждение «предательской политики» ПСР, а также сопроводительные письма из губкомов, райкомов и укомов РКП(б), командиров воинских частей (в том числе, и нередко, войск ГПУ) и т. д.

Резолюции направлялись в самые разные адреса, в том числе и во ВЦИК⁴⁰, а затем переправлялись в адрес Верховного трибунала, где аккumulировались в Следственной комиссии, чьей печатью они и штамповались. Эти резолюции — лишь малая доля того девятого вала протестов и резолюций, которые были инспирированы самой властью и коммунистической партией, но тем не менее они вполне позволяют составить себе представление о стиле этих протестов, о духе собраний, на которых они выносились, о ментальности их составителей и о самом характере протестной кампании.

Подавляющая часть резолюций была пространна и делилась на пункты, иногда до 8—10⁴¹, и была заготовлена заранее. Из текстов многих резолюций видно, что им предшествовали доклады о процессе с.-р. Очень часто собрания конституировались, выбирая собственного председателя и секретаря⁴². Очевидно, после этого собраниям предлагалось принять заранее подготовленную резолюцию, обходясь таким образом «без живого творчества масс».

Основой для написания резолюций на местах послужили «Тезисы по агитации в связи с процессом с.-р.»⁴³, написанные Н. И. Бухариным, А. В. Луначарским и Н. В. Крыленко по решению комиссии Политбюро⁴⁴. Получились они вопреки предложению комиссии не такими уж и краткими — 9 машинописных страниц формата А-3. Этот документ

крайне важен в контексте нашего исследования, потому что руководствуясь именно этими тезисами, советская пресса вела пропагандистскую кампанию; и потому что именно эти тезисы послужили шаблоном для написания тысяч и тысяч резолюций, которые принимались на собраниях и митингах. Первый пункт тезисов, с цитатами из работ К. Маркса и В. И. Ленина, был посвящен мелкобуржуазному характеру эсеровской партии и завершался следующим выводом: «Не надо думать при этом, что мелкобуржуазные политики, меньшевики и эсеры вполне сознавали себя именно обманщиками, прикидывающимися социалистами. По замечанию Маркса, политические этикетки тем отличаются от торговых, что обманывают не только потребителя, но и самого носящего этикетку»⁴⁵.

Второй пункт тезисов гласил: «В частности, партия с.-р., возникшая для продолжения традиций „Народной Воли“, является особо типичной партией мелкой буржуазии, более беспримесным проявлением ее в социалистическом обличии, чем близкая к ней по духу партия меньшевиков». И если народовольцы возникли до появления пролетариата и сыграли героическую роль, то их эпигоны — эсеры — «...явились более вредной, чем полезной социальной силой, что рядом с ними уже существовало подлинное пролетарское социалистическое движение».

Хотя ПСР и «стремилась быть, так сказать, всенародной революционной партией», она «совершенно не учитывала картины классово-борьбы в обществе, она топила эту идею в понятиях „трудового народа“ и тому подобным расплывчатым терминам. Она старалась опираться, как на трех китов, на интеллигенцию, крестьянство и рабочий класс. Вместе с тем, не меньшей шириной и расплывчатостью отличилась в программе и тактика этой партии. Она удовлетворяла даже либеральных земцев своей политической программой-минимум, в то же время импонируя либералам своим теоретическим выражением требований крестьянства и своими больше мнимыми, чем настоящими связями с ним (выделено нами. — К. М.).

Наконец, она широко пользовалась методами индивидуального террора, который так метко охарактеризовался фразой: «Либералы говорят „Уступите, а не то эсеры стрелять будут“, — фраза, вполне подтверждаемая речью на суде самого блестящего представителя эсеровского террора Гершуни, который заявил, что в условиях либерального режима террор был бы совершенно не нужен»⁴⁶.

В третьем пункте вредоносность ПСР детализировалась: «Нельзя удивляться тому, что второй съезд РСДРП с определенностью объявил эсеровскую партию вредной, так как свой буржуазный радикализм она окутывала в псевдо-социализм, а свой социализм разбавляла вредными ересями». Практическая работа ПСР объявлялась или малозначашей или прямо вредной: «Работа эсеров среди крестьян была всегда расплывчатой и мало весомой. Работа ее среди рабочих была безусловно вредной, ибо пользуясь недостаточной оторванностью пролетарской массы в России от деревни, она отвлекала часть политически активных сил рабочего класса от его прямого пути».

Некоторые успехи признавались авторами тезисов за эсерами в их террористической борьбе, но при этом цена за них была объявлена чрезмерной, а сама БО была объявлена «вместилищем самых ужасных пороков»: «Наибольших успехов партия эсеров достигла в области террора, но и здесь эти успехи оплачивались чрезвычайно дорогой ценой. Было убито несколько высокопоставленных лиц, которых правительство без

труда заменяло другими, но вместе с тем, боевая организация партии, единственная, деятельность которой создавала партии репутацию, приобрела полную независимость от ее центра и скоро оказалась вместилищем самых ужасных пороков. Оторванность от масс, никем не регулируемая работа привела к заражению организации чудовищной провокацией (Азеф, Татаров, Жученко и др.)⁴⁷.

Рядом с этим романтика терроризма привела в партию декадентов-авантюристов типа Бориса Савинкова, много незрелой, нервической молодежи (см. характеристику деятельности помощников Гершуни в истории эсеровской партии Спиридовича). Были, конечно и Герои, то же более или менее романтически настроенные, но можно только пожалеть, что большие силы Балмашевых, Сазоновых, Каляевых руководством Азефов и Савинковых самоотверженно направлялись в сторону внешне эффектной, но политически почти совершенно безрезультатной борьбы, и погибали там»⁴⁸.

При этом авторы тезисов явно лукавили, принижая политический эффект от террористических актов на В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича, оказавших очень большое влияние на революционизирование общества и деморализацию власти, что прослеживается по воспоминаниям самых разных очевидцев событий, из которых совсем немногие могли назвать эсеровский террор 1903—1905 гг. «политически совершенно безрезультатной борьбой». Как представляется, отчасти эти оценки вызывались той завистью и раздражением, которые возникали у конкурентов эсеров — социал-демократов. Тезис о БО ПСР — как «вместилище самых ужасных пороков» был откровенной ложью. Показательно, что члены эсеровской ССК по делу Азефа в 1909—1910 гг. тщательно искали следы тлетворного морального влияния Азефа, пьянства, разврата, разложения, но ничего не обнаружили. Надо сказать, что тенденциозный вывод членов ССК по делу Азефа, сделавших БО ПСР козлом отпущения за грехи руководителей партии, прозевавших Азефа — одного из создателей ПСР — повторены в тезисах с изрядной долей лжи и передергивания.

В четвертом пункте авторы тезисов, обращаясь к авторитету Ф. Энгельса, сделали следующий вывод: «Февральская революция сразу выяснила мелкобуржуазный характер эсеров. Они оказались самой крайней и передовой буржуазно-демократической партией. ...Именно роль этого центра всех черносотенных сил, роль этой чистой демократии, как по нотам, сыграла эсеровская партия. ...Характерно, что мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков во время войны, разумеется, вместе со всеми остальными консервативными силами социал-демократии, овладевшими доверием рабочего класса, оказались военной опорой империалистов.

...По отношению к крестьянству и рабочему классу мелко-буржуазная партия показала себя в полном смысле слова изменнической. Правительство, возглавлявшееся эсером Керенским, отправляло карательные отряды против крестьянства, стремившегося практически провести в жизнь программу партии эсеров, в частности рабочий Петроград (так в тексте. — К. М.), и пресечь всякие стремления рабочих увеличить свой вес на фабриках и заводах»⁴⁹.

Пункт 5 содержал самые уничижительные формулировки об эсеровской партии и ее борьбе с большевиками вкуче с самовосхвалением большевиков и Октябрьской революции: «В ответ на изменническую работу мелко-буржуазных мнимых социалистов грянула Октябрьская револю-

ция. Немедленно контр-революционная сущность мелко-буржуазных партий сказалась со всей силой. **В то время как в Петрограде славная Октябрьская революция прошла бескровно, не грозя, быть может, никакой гражданской войной и в других городах России, — эсеры и меньшевики, не поняв всей стихийной силы революции, в ближайшие же дни после переворота науськали вооруженную интеллигенцию (юнкеров) на восстание, что было фактически открытием принесшей столько бедствий гражданской войны** (выделено нами. — *К. М.*)⁵⁰.

Таким образом, путем простейшей подмены причины и следствия авторы тезисов, объявили виновниками гражданской войны не большевиков, захвативших власть за три недели до выборов в Учредительное Собрание, которое должно было легитимным путем (будучи избрано всенародным прямым, равным и тайным голосованием) решить вопрос о власти в стране, что не могло не вызвать ответной реакции всех политических сил в стране, которых поставили перед фактом, а эсеров и меньшевиков, посмеявшись воспротивиться захвату власти. Обращает на себя словосочетание — «не грозя, быть может, никакой гражданской войной и в других городах России», подразумевавшее, что гражданской войны удалось бы избежать, если бы эсеры и меньшевики не сопротивлялись большевикам. Остальные пункты тезисов, охватывающие гражданскую войну, были под стать только что процитированному, целиком возлагая вину за ее тяготы на эсеров и обвиняя их во всех грехах.

Прочитируем ряд наиболее типичных резолюций и петиций. Дело открывается «резолюцией протеста против партии с.-р.» Московской городской конференции фабзавкомов, месткомов и Московского райкома Всероссийского союза горнорабочих, объединяющих «свыше 100 000 рабочих», которая гласила: «...Мы, члены Всероссийского союза горнорабочих, как и весь рабочий класс России, смотрим на верхи этой партии, как на шайку уголовных преступников-предателей, прикрывающихся социалистическим знаменем, позорящих весь международный пролетариат и его великие идеалы.

Конференция считает, что суд над с.-р., происходящий в данный момент в Красной столице Советов, должен лишить эту шайку возможности скрываться под Красным Знаменем Социализма, открыв глаза рабочему классу всего мира, а особенно той его части, которая еще не освободилась от влияния своих предателей из 2-х и 2 1/2 Интернационалов.

Вожди 2-х и 2 1/2 Интернационалов, защитники шайки бандитов и предателей, тем самым срывают с себя маску Социализма, представ перед международным рабочим движением в полном блеске предательства рабочего класса и преданности буржуазии.

Исходя из указанного, конференция со всей категоричностью требует от Верховного трибунала, как охранителя нашей пролетарской революции и диктатуры пролетариата, учесть все обнаруживающиеся во время процесса преступления изменников международного рабочего класса, и, не связывая себя никакими условиями, ввиду нарушения уже таковых со стороны 2-х и 2 1/2 Интернационалов, вынести суровый беспощадный приговор.

Долой предателей, шайку бандитов и их защитников, прикрывающихся знаменем Социализма и Интернационалов».

Заканчивалась резолюция неожиданно двумя здравицами. Одна прославляла мировую пролетарскую революцию и «е авангард российский рабочий класс», а вторая гласила: «Да здравствует Верховный революционный трибунал — охрана пролетарской диктатуры»⁵¹.

Резолюция же 7-го Нижегородского губернского съезда профсоюзов принятая после «доклада тов. Лядова о процессе над партией так называемых социалистов-революционеров» просто копировала «Тезисы», сохранив даже порядок и логику изложения материала, правда, подав его в значительно более компактной форме.

«1. Партия с.-р. с самого начала ее возникновения была фактически партией буржуазной интеллигенции, стремящейся к власти и использующей для этой цели крестьянские и отчасти рабочие массы, связанные с крестьянством.

2. Вся работа этой партии основанная на недоверии к активности и самостоятельности масс и их использовании, как темной стихийной силы безусловно подтверждает данное им в свое время Плехановым и Лениным определение как партии: „Социалистов-реакционеров“, Социалистов-авантюристов.

3. В отличие от партии „Народной воли“, где политику террора проводили вожди и руководители партии, из которых самоотверженно погибли, верхушка с.-р. проводила террор через несознательных, увлекающихся представителей революционных элементов из интеллигенции и даже рабочих, сами оставаясь в безопасности несмотря на то, что в самом центре боевой работы с.-р. стояли такие провокаторы из царской охранки, как Азеф и др.»⁵²

Обращает на себя внимание, что в резолюции повторялись зады с.-д. критики эсеров начала века, причем в значительно ухудшенной и более резкой трактовке — ПСР называют «фактически партией буржуазной интеллигенции», хотя ранее оперировали куда как более скромным термином — «мелкобуржуазная интеллигенции». Назвать эсеровскую интеллигенцию буржуазной в начале XX в. не приходило в голову даже таким мастерам полемики, как В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий.

Перебором грешил и пассаж об «Азефе и др.», потому что никаких других провокаторов в «самом центре боевой работы с.-р.» просто не было. А уж упрек ПСР в «недоверии к активности и самостоятельности масс и их использовании, как темной стихийной силы», выглядел не только бесосновательным и голословным, но в устах коммунистов, захвативших власть вопреки мнению народного волеизъявления на выборах в Учредительное собрание, более походил на крики вора, громко всех кричащего «Держи вора».

Резолюция кончалась вполне традиционно: «Съезд одобряет линию поведения Сов. Власти дающей полную возможность всем адвокатам из 2-го Интернационала защищать подсудимых по делу партии С.-Р. и вместе с ними самих себя»⁵³.

Таких «политически выверенных» резолюций, которые по сути дела копировали лексику и стилистику «Тезисов для агитации», написанных Бухариным, Крыленко и Луначарским, в томе много.

Но много и таких, где упор составителями, скорее, делался на импровизацию и митинговую патетику. Эти резолюции были гораздо колоритней, в том числе и своей стилистикой. С точки зрения современного человека, среди них немало было откровенно экзотических, а часть из них совсем чуть-чуть «не дотягивала» до лексики и стилистики второй половины 30-х гг. Пр процитируем несколько резолюцией подобного сорта, сохраняя их стилистику (и орфографию) в неизменности.

Так, например, «сотрудники ГПУ Белоруссии» констатировали: «...партия эсеров есть злейший и вреднейший враг Пролетарской Революции. За свои кровавые преступления и контрреволюционные действия

партия эсеров должна быть осуждена всеми рабочими и крестьянами, должна предстать пред пролетарским судом, который беспощадно должен осудить, как партию в целом, так и всех активнейших ее членов принимавших участие в изложенных выше преступлениях, к ним должна быть применена самая высшая мера наказания — расстрел. СМЕРТЬ ВРАГАМ РЕВОЛЮЦИИ»⁵⁴. Резолюцию прислало и «общее собрание красноармейцов Отдельного 40 батальона ГПУ Западного округа», состоявшееся 20 мая 1922 г. Резолюция содержала следующий пассаж: «Эту сволочь, которая действовала против нас за французские и английские деньги нужно беспощадно уничтожить, чтобы мы могли спокойно и мирно трудиться и жить»⁵⁵. То, что это проявление «народного гнева» было хорошо организовано и вовсе не носило самодеятельного характера, как это можно подумать, видно из того факта, что прислал эту резолюцию командир батальона, несмотря на то, что собрание имело председателя и секретаря⁵⁶.

Некоторые резолюции напоминали скверный анекдот. Члены коммуны «Красное Знамя» Кайдановской волости Минского уезда и губернии прислали постановление своего собрания, состоявшегося 28 мая 1922 г. Приведем это колоритное рукописное постановление с сохранением авторской орфографии и пунктуации: «Коммуна Красное Знамя» Койдановской вол. Минского уезда в составе 25 чел. заслушали доклад над эсерами, и о том что для них приезжает защита 2.х. споловиной энтернационала партия эсеров организовала разных. контреволюционных. банды Юденича Деникина Колчака и других. убийства наших великих вождей революции. т.Володарского, и Урицкого и покушение на т. Ленина как хищные звери на падали. на советскую россию мы члены Коммуны Красное Знамя все как один. требуем. чтобы этих убийцев судили как они заслуживают. пусть знает партия эсеров что мы Крестьяне и рабочие. власти своей не отдадим. и впрд. таких поступок за нападение на рабочую крестьянскую власть будут.приняты вышшия меры наказанию.

Председатель собрания Колодич
и Секретарь Дубина»⁵⁷.

Не менее интересны были фамилии и у руководителей другого собрания, с не менее интересным текстом: «Протокол собрания беднейших крестьян дер. Королевки Горецкого уезда Гомельской губ. под председательством тов. Потемкина и секретаре Страшнове.

Слушали доклад тов. Потемкина о процессе над социал-предателями — эсэрами.

Слушали: Ознакомившись с проделками и преступлениями эсэров.

Постановили: Мы крестьяне беднейшего класса стоя на платформе защиты Советской власти с нетерпением ждем, чтобы Советская власть вынесла беспощадную кары над предателями и палачами рабочих и крестьян, которые беспощадно расстреливали и плавали в крови рабочих и беднейших крестьян. А также просим революционный суд советской республики не щадить защитников этих бандитов.

Да здравствуют вожди пролетарской революции

Председатель Потемкин

Секретарь Страшнов»⁵⁸.

Не менее колоритна резолюция «собрания граждан Верхоленска совместно с гарнизоном». Она была отправлена телеграфом 19 мая 1922 г. на имя Верховного трибунала и гласила: «Заслушав доклад поведения партии эсеров констатируем следующее двтчк мировую войну после

свержения царизма эсеры заняли линию поведения явно противоречащую интересам трудящихся продолжая вести ее таким ожиданием как Николай Романов зпт играя на руку банкирам капиталистам вызывая народное бедствие тчк гражданскую войну эсеры являлись передаточной инстанцией к обнаглевшей диктатуре черносотенной буржуазии подавляя трудящихся растерзания мирового и отечественного капитала тчк народное хозяйство они стремились разрушить в конце препятствуя восстановлению ее стремясь из революционной России сделать колонию для мировых хищников капиталистов эсеры не переставали организовывать покушения на вождей пролетариата и приводить исполнения кровавые планы свои над вождями Володарским Урицким и другими целях подрыва авторитета советской власти эсеры напрягали усилия и приводили исполнения ограбления складов продовольствием фабрикантами момент чрезвычайно тяжелого положения страны зпт разрушали железнодорожную линию и мосты поэтому считаем что вождей эсеровской партии гнусную предательскую свою работу должны быть приравнены к тем кто клеймен черным позором всей истории революции зпт должны считаться пособниками Антанты понести суровое наказание и раз навсегда потерять место среди трудящихся Верхоленска

Председатель собрания Поливанов укома РКП секретарь Демьянов»⁵⁹.

Свою резолюцию вынесли и «рабочие фабрики Гознак живущие в доме коммуны № 16 по Малой Царицынской улице, по докладу «К процессу над эсерами»: «Мы, рабочие фабрики Гознак, живущие в доме коммуны № 16 по Малой Царицынской улице, заслушав доклад тов. Гоберман „К процессу над эсерами“, присоединяем и свой гнев к общему негодованию российского пролетариата по поводу преступлений эсеров против первой рабочей республики, и в виду того, что эсеры продолжают и в настоящее время клеветать на советскую власть, говоря что советская власть узурпировала власть против желания рабочих, мы выбираем своего делегата, которому поручаем наше негодование против эсеровской лжи и наше доверие рабочему правительству лично передать и засвидетельствовать на суде. Для этого поручения выбираем товарища Федорова Николая, и одновременно с этим собрание постановило просить Московский Совет об исключении членов эсеровской партии из состава Совета.

Председатель собрания М. Горшков. Секретарь П. Гордеев»⁶⁰.

Сомнения в праве группы рабочих из дома-коммуны уверенно говорить от имени рабочих Гознака усиливает тот факт, что, как это видно из заверяющей подписи — председатель этого собрания являлся секретарем ячейки РКМ 1-й Московской фабрики Гознак.

Из большинства резолюций видно, что им предшествовал специальный доклад о процессе эсеров и о их «предательской» роли. Коммунистическим функционерам это казалось настолько естественным, что они зачастую эту инспирированность резолюций даже и не скрывали⁶¹. В деле отложилась «резолюция, вынесенная на объединенном собрании 57 отдельного стрелкового батальона войск ГПУ и сотрудников ООБСВО Иркутского отдела ГПУ, состоявшегося 22 мая 1922 г. Протокол № 9 по докладу тов. Огнетова о „Партия с.р. перед судом русской революции“, которая гласила: «...приветствуем революционную власть за предание суду партии С.Р. как явных изменников интересам трудящихся всего мира в достижении социального строя на земле и клеймим вечным позором всех препятствующих нашим стремлениям в установлении вечного мира и экономического состояния Совроссии и всего мира, а также требуем

от революционного трибунала трудящихся самой суровой кары, не оставившись ни перед чем, для тех, кто так открыто и подло помогал белогвардейцам всех мастей в борьбе с трудящимися в течение 4 1/2 лет»⁶².

Резолюция «по докладу тов. Ольховского о судебном процессе над партией соц.-революционеров», вынесенная «на общем б/партийном собрании в 1-м Народном доме г. Иркутска», заканчивалась так: «Клейма преступную, перед русским народом и пролетариатом всего мира, тактику агентов международной буржуазии, мы клеймим с ними вместе 2-й 2 1/2 Интернационал и его героев, взявших под защиту и покровительство соц.-рев.

Мы верим и убеждены, что революционный Трибунал, стоящий на страже интересов рабочих и крестьян, вынесет заслуженный изменникам народа ПСР суровый приговор, которым впишется на страницах истории изменническая политика 2-го и 2 1/2 Интернационала, как прислужника международной буржуазии.

Смерть врагам рабочего класса партии соц.-революц.!!!

Да здравствует III-й Коммунистический Интернационал, истинный выразитель и защитник интересов международного пролетариата!!!

Резолюция принята без возражений»⁶³.

«Всенародное волеизъявление и осуждение» по степени эффективности превосходило традиционную газетную пропагандистскую кампанию, создавая иллюзию «гласа народа». Парадокс заключался в том, что хотя «руку власти» в их организации видели все, резолюции митингов и собраний сотен тысяч и миллионов все равно действовали завораживающее на самых разных наблюдателей. Под гипноз попадали даже сами коммунисты, проводившие эти митинги. Так, например руководители Ковровского укома РКП(б) прислали в Верховный трибунал ВЦИК не только резолюцию, «вынесенную на общегородском собрании рабочих совместного с Ковровской организацией РКП от 28/V с.г.», но и впечатления от этого собрания, подписанные «Любопытный наблюдатель». Этот уникальный документ, под названием «Мои впечатления», свидетельствующий о том, как сами коммунисты попадали под гипноз, не желая видеть искусственность подобных митингов с весьма специфичными докладами, достоин того, чтобы привести его полностью: «Мая 28-го 1922 года в г. Коврове в ж. д. парке при Ковровских мастерских проходило под открытым небом общегородское собрание РКП Ковровской организации совместно с беспартийными рабочими.

Собрание было назначено внеочередное, экстренное, на повестке дня стоял вопрос огромной политической важности о судебном процессе над правыми эсерами. Необходимо было выявить коммунистической организации, как смотрят рабочие массы на эту политическую обанкротившуюся партию, безразлично или с чувством годливого презрения (так в тексте. — *К. М.*) как на партию предателей дела революции.

Собрание митинга началось 8 1/2 часов вечера, партийцев присутствовало не более 100—20 (сто двадцать человек), всего же людей было более полутора тысяч (1 500 человек) взрослых, не считая подростков.

С докладом выступал член Президиума Укома т. А. Мамальфия, спокойно, ровно и понятно изложил суть дела о процессе над правыми эсерами, назначенном к слушанию в Москве на первые числа месяца этого года.

Сразу в начале доклада заметно было серьезное настроение присутствующей публики, даже обычно шумливая детвора и подростки были почему-то на этом собрании более спокойными.

Видно было, с каким интересом относилась публика к поставленному вопросу, по мере того как докладчик развертывал нить за нитью всю пошлу-предательскую политику эсеров по отношению к рабочему классу, а как только докладчик коснулся стороны метода борьбы с Советской властью, избранного эсерами, не брезговавшими призывом иностранных штыков, купленных на деньги мировой буржуазии, для удушения русской революции, а с нею вместе загорающегося мирового пожара.

Когда же вопрос был освещен, что эсеры занимались и убийством из-за угла вождей пролетариата Володарского, Урицкого и проч., какое негодование изобразилось на лицах присутствующих рабочих.

Мне как очевидцу невольно пришла в голову мысль, что **только коммунистическая партия, единственная массовая партия живет и борется вместе с массами, и массы иногда не потому что не любят коммунистическую партию, а так просто сгорая да иногда с устатку и подчас недоедания ругнут с плеча лишь для того, чтобы как-нибудь отыграться на время, но отнюдь (я в этом глубоко уверен) массы не безразличны, они любят коммунистическую партию и понимают ее заслуги, она живет с нею одной жизнью, жизнью трудящихся, и есть ли только хоть одна тучка будет висеть над РСФСР и угрожать последней, я уверен, что рабочие станут, как один, на защиту своей рабоче-крестьянской власти как формы диктатуры пролетариата** (выделено нами. — *К. М.*).

Это видно будет в дальнейшем на прилагаемой к сему впечатлению резолюции, принятой единогласно **при одном каком-то, видимо, эсере против** (выделено нами. — *К. М.*)»⁶⁴.

Безусловно, что писал эти строки человек новой субкультуры, человек черно-белого видения мира, которому в голову не приходили, казалось бы, очевидные вещи. Например, других вариантов отношения к партии эсеров, кроме «безразлично или с чувством годливового презрения как на партию предателей дела революции», автор не допускал. А единственного человека в тысячной толпе, не побоявшегося проголосовать против резолюции, он тут же окрестил эсером. Его удивление тому, что «даже обычно шумливая детвора и подростки были почему-то на этом собрании более спокойны» показательно. Во-первых, ему даже не приходит в голову, что настроение толпы, слушающей речь о том, почему нужно поддержать расстрельные приговоры, конечно же, моментально передается детям, а во-вторых, ни ему, ни коммунистам-организаторам митинга, ни самим рабочим не пришло в голову, что «детворе и подросткам» вовсе не стоит выслушивать подобные речи. На смену патриархально-инстинктивному желанию спрятать от детей то, что им еще рано видеть, мы видим потрясающую огурубелость и цинизм — «пусть, мол, привикают». Несомненный политический расчет и смысл в этом был — «дети и подростки» 1922 г. к митингам и резолюциям с требованиями расстрела врагов народа на процессах конца 20-х и середины 30-х отнесутся уже как к чему-то само собой разумеющемуся.

Все же удивительно: «любопытный наблюдатель» (наверняка, коммунист или комсомолец), слушая, как оратор успешно манипулирует мнением ковровских рабочих, приходит к убеждению, что **массы** любят коммунистическую партию. И это — после только что отгремевшего восстания тамбовских крестьян (и многих сотен и тысяч других мелких крестьянских восстаний 1918—1920 гг.), и это после восстания в 1918 г. ижевско-воткинских рабочих, давших два самых боеспособных полка в Народной Армии Комуча, и это после Кронштадского восстания и забастовок московских и питерских рабочих, поддержавших его! Воистину

был прав член ЦБ ПСР Г. Покровский, когда писал о резолюциях, поддерживающих коммунистов в стране, где во многих ее местах коммунистам, оказавшимся без надлежащей охраны, вспарывают брюхо!

Сама резолюция была достаточно типичной, но уже ее начало было примечательным: «мы, собравшиеся рабочие совместно с Ковровской организацией РКП на открытом общегородском собрании последней, заслушали доклад т. А. Мамельфина о предстоящем в начале июня месяца с.г. судебном процессе над правыми эсерами и, обсудив совместно с нашей родной рабочей партией детально о сути дела, выносим наше единое по сему вопросу решение.

Партия правых эсеров не выражала никогда народной воли, т. е. воли трудящихся, а была и есть представительница мелкобуржуазной кулацкой и разнородной мешанской челяди, как до революции 1917 г., так и во время разгара революционного движения, в особенности ее лицо выявилось в Октябрьские дни, и предательское поведение за время 5-летней революционной борьбы пролетариата с буржуазией»⁶⁵. Ковровские коммунисты явно решили бить эсеров с запасом, пойдя дальше инструкций выше о том, что следует признавать у ПСР до 1917 г. кое-какие заслуги.

И завершив цитирование резолюции вполне характерной для нее фразой: «Бессильная злоба политически обанкротившейся эсеровской партии выливалась в чудовищные формы, как то: взрыв складов ж. д. мостов и линий, убийство из-за угла видных вождей рабочего класса (Володарского, Урицкого и проч.), продажа в розницу и оптом достояния РСФСР иноземному капиталу, соглашение с прямыми представителями буржуазии (кадетской партией) и т. д.»⁶⁶.

Весьма решительно решали проблему эсеров и мировых «социал-предателей» в своей резолюции от 28 мая 1922 г. рабочие Старевского стекольного завода (предварительно «заслушав доклад Слуцкого Предисполкома тов. Владимиров»), которая была препровождена в Президиум ВЦИК Слуцким укомом партии и гласила: «...К палачам и изменникам рабочего класса, убийцам из-за угла революционных вождей, поджигателям артиллерийских и продовольственных складов, старающихся тем задушить рабоче-крестьянскую революцию, требуем от Советской власти и ее карающих органов вынесения самого приговора и высшей меры наказания — расстрела.

Мы просим Коминтерн, через головы социал-предателей, немедленного созыва Всемирного Конгресса рабочих всех стран для выделения всемирного Ревтрибунала и привлечения к расплате палачей, зверски убивших дорогих вождей: Карла Либкнехта, Розу Люксембург, Шумана, Дженаридзе, Кенгисепа и др. десятки рабочих, расстрелянных в странах капиталистических хищников за интересы своих покровителей-банкиров и помещиков, для вынесения должного над ними приговора, дабы этим самым вырвать негодную вредную траву с общего пролетарского поля.

Да здравствует Всемирная Пролетарская Революция.

Да здравствует ее мировой вождь тов. Ленин.

Беспощадная месть палачам рабочего класса»⁶⁷.

Резолюция общего собрания «рабочих и служащих N склада 30 мая с. г.» требовала: «...суд рабочих и крестьян должен применить к ним высшую меру наказания, которую эта банда уже давно заслужила и действиям которой должен быть положен конец»⁶⁸. Какого склада и за каким номером, в резолюции не указывалось, зато стояла заверяющая подпись Зав. Общим отделом Рыбгубкома и печать Рыбинского губкома РКП(б)⁶⁹.

Резолюция общего собрания «Комсостава милиционеров и сотрудников Мышкинской горюездной Советской милиции» от 27 мая с.г. по докладу о предстоящем суде над партией эсеров несла явный профессиональный отпечаток: «Мы красные милиционеры из всей протекающей перед нашими глазами истории Революции определенно видели всю контрреволюционную деятельность партии правых эсеров, вытекающую из во всех контрреволюционных выступлениях, а также в покушении на жизнь наших дорогих вождей всецело направленных на уничтожении власти трудящихся, что вполне документально доказано показаниями раскаявшегося Семенова и других, а также целым рядом неопровержимых фактов, устанавливающих их контрреволюционную деятельность, направленную на поддержку буржуазии и на ухудшение пролетарской революции, а потому за пролитое при их участии море крови, тружеников России, требуем от Революционного правосудия, по отношению к правым эсерам применения самых суровых мер наказания, точно также клеймим позором и тех, кто осмелился защищать этих явно-уголовных преступников»⁷⁰.

Не менее примечательной была и выписка из протокола общего собрания НКЮБ совместно с сотрудниками Комиссариата и минской Конвойной команды. «Единогласно принимается следующая резолюция: ...Все члены этой партии как грабители, провокаторы и шпионы должны быть наказаны по заслугам. Что же касается тех которые 1-го июня сядут на скамью подсудимых собрание считает, что ни один из твердой рукой трибунала не может быть помилован и что к ним за все их деяния должна быть применена высшая мера наказания. Представители же 2 и 2 1/2 Интернационала едущие к нам защищать убийц рабоче-крестьянских масс, такими образом берут на себя моральную ответственность за все их злодеяния в тоже время сами являясь убийцами пролетариата у себя (Розы Люксембург и Карла Либкнехта) пусть же теперь всемирный пролетариат, а главное те кто идет 2 и 2 1/2 Интернационалами поймет и предательскую роль в революции этих контрреволюционеров и выбросят из своих рядов как это сделал Российский пролетариат, став под знаменем крепкой и могучей коммунистической партии.

СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯМ РАБОЧЕГО КЛАСА!

ДА ЗАДРАВСТВУЕТ ВСЕМИРНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА!

ДА ЗАДРАВСТВУЕТ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА!»⁷¹.

Но применения высшей меры требовали не только чекисты Белоруссии, но и «женщины-работницы», собравшиеся на уездную конференцию и отправившие следующую телеграмму: «Москва Кремль ВЦИК Москва Севска Заслушав доклад процессе эсеров четвертая Севская уездная конференция женщин работниц крестьянок приветствует привлечение эсеров скамью подсудимых зпт клеймит позором их как предателей рабочего класса требует применения им высшей меры наказания лишит партию названия социалистической как совершившей период четырехлетней революции ряд уголовных преступлений. Президиум конференции»⁷².

Секретарь райкома РКП(б) Сунженского округа вместе со своим сопроводительным письмом⁷³ прислал в Верххриб две резолюции от 4 июня 1922 г. собрания коммунистов, комсомольцев и беспартийного казачества Чечни и Ингушетии. Первая из них гласила: «Общее собрание членов и кандидатов Российской Коммунистической партии и РКСМ и беспартийных делегатов трудового казачества Чечни и Ингушетии заслушав доклад о процессе Партии Социалистов-революционеров попавших на скамью подсудимых за активное участие в вооруженной борьбе Советвласти и убийства вождей революции т.т. (Урицкого, Володарского

и ранение Ленина) и пролитие невинной крови рабочих и крестьян клеймим партию социалистов-революционеров позором и презрением, и требуем от Советского революционного правосудия Верховного Трибунала сорвать с так называемых друзей народа маску лицемерия и вынести им должный по заслугам приговор высшую меру наказания.

Смерть палачам рабочего класса социал-предателям!

Да здравствует Мировая революция и ее вожди Ленин и Зиновьев!»⁷⁴.

Вторая резолюция заставляет вспомнить слова члена ЦК ПСР и подсудимого первой группы М. А. Лихача, что эсеры, как евреи в царское время, несут ответственность за все ошибки: «Заслушав доклад по продовольственному вопросу т. Ржебаева районное собрание РКП и членов КСМ и безпартийных представителей от станиц и граничащих аулов Чечни и Ингушетии постановили: признавая продовольственную работу в 1922 году ударно-боевой принять к неуклонному выполнению в жизнь следующие меры: 1) Все члены партии обязуются разъяснять населению что такое Единый натуралог, необходимость в интересах трудящихся населения его выполнения — от выполнения продналога зависит восстановление хозяйства и промышленности мощи страны. **Уклоняющиеся от выполнения и ведущие агитацию против выполнения налога — сотрудники контрреволюционной партии меньшевиков и эсеров с которыми следует бороться путем разоблачения их действий** (выделено нами. — К. М.) 2) Необходимо помнить каждому коммунисту работающему на местах, что интересы республики выше личных симпатий к отдельным личностям. 3) требовать немедленно в случае не успеха в работе помощи от райкома, помня что настоящую продкампанию эсеры и меньшевики постараются использовать в своих интересах ставя на каждого тормазы Советским органам»⁷⁵.

Обращает на себя внимание и то, что составители резолюции были уверены, что эсеры и меньшевики — «сотрудники» одной партии, и то, что даже в этом документе прорывается, помимо воли авторов, весьма красноречивое напоминание «каждому коммунисту, работающему на местах, что интересы республики выше личных симпатий к отдельным личностям», ярко отражавшее специфику Кавказа.

Были и откровенно анекдотические собрания, вроде собрания «допризывников», также обвинявшие эсеров во всех смертных грехах: «Мы допризывники Ладвинского района, заслушав доклад тов. Олимпиева даем наказ нашему верховному трибуналу беспощадно судить эсеров проливших море крови рабочих и крестьян и теперь оттачивающих нож против сов. власти и вырывающих кусок хлеба у голодного Поволжья путем агитации против изъятия церковных ценностей и старающихся подорвать договор германии с сов. Россией и этим подорвать экономическое возрождение нашей и без того разоренную гражданской войной страну. Принимая во внимание все действия пролетариата мы допризывники Ладвинского района клянемся отомстить убийцам вождей пролетариата и мы как будущий авангард Красной Армии будем стойко стоять, на — страже социалистической революции.

Долой изменников эсеров!

Да здравствует рабоче-крестьянская Республика!

Да здравствует мировая революция!

Резолюция принята единогласно — 51 человек.

Комиссия по выработке резолюций.

Председатель Лавров.

Секретарь Колчин.

Член: Кузьмеев, Тимонин»⁷⁶.

Самое примечательное в этой резолюции даже не сам текст, а то, что в ней на свет божий вылезла Комиссия по выработке резолюций, надо полагать, штамповавшая резолюции для районных организаций и собраний.

Позже, когда большевики помимо безымянных резолюций, решили организовать «петиционную кампанию», в адрес Верхтриба пошли и петиции. Среди них обращает на себя внимание петиционное письмо работников ГУМа, которое ярко подтверждает высказанную корреспондентом Вандервельде мысль о том, что результат получается вовсе не тот, который ожидается, если «большевик-дурак» отступает от «правильной» формы волеизъявления. В данном случае, по справедливому замечанию меньшевика Б. Двинова, на подобное отступление власти пошли сознательно для того, чтобы «народные просьбы» выглядели более убедительно.

Работники ГУМа заставили подписаться под кратким машинописным текстом, адресованным в Верхтриб и гласившим: «Мы, нижеподписавшиеся сотрудники Государственного универсального магазина „ГУМ“ ВСНХ, стоящие на платформе Советской власти — защитницы интересов трудящихся масс, требуем суровой кары врагам пролетариата — защитникам капиталистов и буржуазии». Абсолютное большинство работников ГУМа просто расписалось. Из более чем полутора сотен подписавшихся несколько человек добавили от себя: «Кроме высшей меры», «Доверяю решению выборного суда (слово «выборного» вписано над строкой. — К. М.)», «Доверяю решению выборного суда», «Понимая под суровой карой не смертную казнь Р. Кириллов», «Враги свободного развития народа должны быть обезврежены. Не разумею под этим смертную казнь»⁷⁷.

Петиция «рабочих и служащих ГОХРАНА» подписана была 193 человеками, которые требовали «...самого сурового пролетарского суда над предателями Мировой Революции и убийцами рабочих. С своей стороны клянемся стоять на страже цитадели Мировой революции Советской Власти и по первому ее зову, как один человек, пойдем на защиту Мировой Революции»⁷⁸.

Резолюция общего собрания рабочих и служащих Пекарни № 1 Москвы от 14 июня 1922 г. (фактически это была петиция, т. к. под ней стояло 223 подписи) гласила: «Мы требуем суровой кары изменникам и предателям пролетарской революции, которые обещают и дальше вести бандитские налеты против Советской России; Долой тех иностранных защитников предателей и убийц, которые не защищали рабочих и крестьян России от капиталистических и эсеровских банд, а продолжают вместе с эсерами нападение на рабоче-крестьянскую Россию и клеветуют на рабочих Москвы»⁷⁹.

В отличие от петиции работников ГУМа, в обеих петициях никакого инакомыслия допущено не было — вообще стояли только подписи. В пекарне пять человек поставили кресты (по три штуки)⁸⁰.

Но письмо работников ГУМа заставляет задуматься о том, что власти вовсе не случайно предпочли безличную форму согласия с вынесенной на собрании резолюцией. Как только у людей появилась возможность высказаться, всю воспользовалось пятеро из полутора сотен человек, трое из которых своим протестом против смертной казни проявляли непозволительное диссидентство. Ведь все эти тысячи собраний и митингов имели еще одну задачу — проверить лояльность их участников. Способные на гласный протест или хотя бы на инакомыслие, как мы видели ранее из решений «тройки» ГПУ и донесений наружной агентуры, присутствовавшей на подобных собраниях, брались на учет. В рамках петиционной кампании работники ГУМа, десятки и сотни тысяч людей по всей стране, уже своей собственной рукой на бумаге фиксировали свою лояльность

или инакомыслие. И хотя подписи четырех из пяти человек недостаточно разборчивы, чтобы мы могли воспроизвести их фамилии, но их было вполне достаточно для идентификации этих людей сотрудниками магазина и компетентными органами.

Заставляя людей подписываться, власти одним выстрелом убивали сразу двух зайцев, так как «петиционная кампания» давала не только особые возможности для проверки лояльности каждого «подписанта», но и заставляла брать его свою долю ответственности за суровый приговор. Таким образом, большевики и в традиционную форму «петиционной кампании», широко применявшейся оппозицией в борьбе с царизмом, сумели вложить принципиально новый карательно-полицейский смысл, превратив ее в выгодную для себя смесь способа проверки лояльности к себе (и вообще способности человека на инакомыслие) и формы круговой поруки, повязывающей человека пролитием чужой крови.

Резолюции и петиции являлись еще и способом, скажем, для различных социальных групп и профессиональных коллективов, громко заявить о своей лояльности власти, заслужить ее благодарность, а местным функционерам — выслужиться. Обращают на себя внимание здравницы в резолюциях в честь коммунистических вождей.

Представляется весьма тонким наблюдение историка В. П. Прохорова, отмечавшего: «Конечно, новая власть всегда самоидентифицируется методом проб и ошибок — в данном случае нужные подсказки ей по части стилистики насилия могла сделать только сама человеческая масса. Примечательно, что 26 июня 1918 г., после убийства В. Володарского В. И. Ленин упрекал своих соратников за то, что те не воспользовались благоприятным случаем и не поддержали предложения рабочих о массовом терроре против буржуазии (Террористические инициативы впадавшего в социальную апатию пролетариата, конечно, относились не к области действительного, а желаемого большевистскими вождями). В данном случае, примечательно, что власть хотела действовать не просто от лица „передового класса“, но и как бы откликаясь на его непосредственные запросы. Самонастройка обновляющейся системы происходила по древнейшему принципу — должен был восторжествовать принцип „кровь за кровь“. Для власти, поднявшейся из хаоса, принципиально важно было превратить агрессивного „человека толпы“ в соучастника собственной репрессивности. И здесь важнейшее значение приобретал „язык“ власти. После Октября большевики стали настаивать на своем праве на репрессивность, используя образ „осажденной крепости“, формируемый с помощью бинарных оппозиций типа труд/капитал, рабочие/буржуазия, свобода/рабство, жизнь/смерть, светлое будущее/проклятое прошлое. Наряду с этим создавался негативный образ „предателей рабочего класса“ в лице меньшевиков и правых эсеров. Но это делалось скорее по наитию, нежели продуманной схеме манипулирования общественным сознанием»⁸¹.

Возможно, автор прав, и большевики, создавая в 1918 г. меньшевикам и эсерам образ «предателей рабочего класса», действовали по наитию, как по наитию действовали порой и позже. Но причины, по которым им приходилось создавать этот негативный образ меньшевиков и эсеров, вполне просматриваются. Ни сами меньшевики и эсеры, ни те альтернативные пути социокультурного и экономического развития России, которые они предлагали, не укладывались в ту конструкцию «бинарных оппозиций», о которой пишет В. П. Прохоров, а потому меньшевики и эсеры подлежали по логике вещей (и власти) дискредитации, изоляции и уничтожению. Того, что автор называет «бинарными

оппозициями» (они являлись своего рода «методологической базой» формируемого «черно-белого видения мира»), было много и в текстах всех цитируемых резолюций и петиций, и в политической жизни страны в целом.

Но, похоже, за прошедшие годы власти многому научились и продолжали учиться в столь важном для них деле превращения «агрессивного „человека толпы“ в соучастника собственной репрессивности». Это относилось и к «языку» власти, который в 1922 г. оказался понятен массам и вызвал их отклик, уже на «народном», полуграмотном и корявом языке петиций и резолюций, которые и по смыслу и по стилистике превосходили самые смелые ожидания власти. Даже та небольшая часть подобных резолюций и петиций, что была нами процитирована, позволяет сделать вывод, что агрессивный «человек толпы» и власть вновь нашли друг друга. Но самое главное, власти копили ценнейший опыт технологий манипулирования «человеком толпы» для превращения его не только «в соучастника собственной репрессивности», но и в инициатора этой репрессивности. Таким образом, власть извлекла выводы из урока, о котором говорил в 1918 г. Ленин. Обращает на себя внимание, что сначала в пропагандистской антиэсеровской кампании 1922 г. власти использовали форму с меньшей степенью личной включенности человека в инициирование репрессий массами — человек не ставил под этими резолюциями своей подписи и терялся в безликой толпе, мало ощущая свою ответственность и значимость.

Но позже, в рамках петиционной кампании, ситуация кардинально меняется, т. к. инициатива жесткого репрессирования эсеров (причем не только подсудимых, а в целом эсеровской, а заодно почти всегда и меньшевистской, партии) шла исключительно снизу, из рабочих коллективов (нажим и давление извне оставались за скобками). Петиции, в отличие от резолюций, несли отпечаток личного участия конкретных людей, будучи снабжены десятками и сотнями подписей. То, что петиции присылались с сопроводительными письмами из укомов, райкомов, горкомов и губкомов РКП(б), уже оставалась за кадром, так как в текстах петиций, которые и публиковались в советских газетах, указаний на «направляющую и руководящую роль» РКП(б) уже не было. Человек, поставивший свое имя под петицией, требовавшей расстрела подсудимых, был в большей степени включен в механизм инициирования репрессий и больше чувствовал свою значимость и ответственность за «репрессивность», которая становилась уже и его собственной и предпринятой по его инициативе. Власть фактически хитро спряталась за его спину (собственно это и было одной из причин организации подобной кампании «волеизъявления народа» в целом). Ведь это рабочий просит власть применить репрессии к его и ее врагам! Как она может отказать ему, ведь она власть рабочих?

Подводя итог, зададимся вопросом: а насколько эффективным было такое организованное властью «волеизъявление народа»? Удавалось ли спрятать искусственный характер «митингов» и «петиционной кампании» и то принуждение (или во всяком случае манипуляцию), которое использовалось властью при ее введении? Вводило ли кого-нибудь такое волеизъявление в заблуждение? Да, безусловно, вводило. И хотя искусственность и рука власти были слишком очевидны, никто ни в России, ни за границей не мог сказать, сколько людей искренни в своих чувствах, а сколько запуганы. Факт десятков тысяч резолюций собраний рабочих, красноармейцев, служащих, крестьянских сходов нельзя было просто так проигнорировать. И хотя то, что народом манипулируют, было

достаточно очевидно для любого сколько-нибудь непредвзятого наблюдателя, сам гигантский масштаб этой манипуляции о многом говорил. Фактически он говорил о том, что народ, только что выступавший субъектом революций и гражданской войны, бывший демиургом истории, превращен в марионетку и поддался этой манипуляции власти (пусть широко использовавшей угрозу увольнения и репрессий). Это вселяло в противников большевистской власти самые дурные предчувствия и ожидания еще более худших перспектив. Власть же, видя эффективность подобных манипуляций с общественным мнением, отчасти сама попадала под гипноз инспирированного «народного волеизъявления». И власть и правые коммунисты испытывали веру в свою непобедимость и в свою правоту, теша свой столь популярный в это время у большевиков комплекс — «победителей не судят!».

В целом можно сказать, что, знакомясь с процедурой организации по всей стране принятия этих резолюций и петиций, а также с их кровожадными по содержанию и демагогически-разнузданными по тону текстами, где еще до начала суда знали, кто прав и кто виноват, где требовали расстрела, понимаешь, что хотя эта традиция запомнилась советским людям в основном по процессам второй половины 30-х гг., появилась и окрепла она задолго до них.

1.2. «Партия социалистов-революционеров своими бесстыжими глазами смотрела на нас из-за углов и убивала на каждом шагу»: организация демонстрации 20 июня и выступления «свидетелей с заводов» в зале суда

Апогеем тысяч митингов, прокатившихся по всей стране, и «девятого вала» резолюций и публицистических статей, заполонивших все советские газеты, стала демонстрация 20 июня в Москве, приуроченная к четвертой годовщине убийства видного петроградского коммуниста Володарского. Первоначально демонстрацию планировалось провести в день открытия процесса. Решение об ее подготовке было принято на втором заседании комиссии Политбюро («тройки Политбюро»), на котором присутствовали Троцкий, Каменев, Дзержинский, Зиновьев, Бухарин, Луначарский, записавшем 27-м пунктом следующее решение: «Петроградскому, Московскому, Харьковскому и др. губкомам по соглашению с секретариатом Ц.К. поручить немедленное начало подготовки кампании по ячейкам с тем, чтобы она к началу процесса могла вылиться в форме демонстрации»⁸². Но 2 июня 1922 г. на заседании Агиткомиссии по эсеровской кампании, после доклада представителя МК РКП(б) В. Г. Сорина «Об устройстве широкой рабочей демонстрации в деле начала процесса с.-р» было «решено довести до сведения Секретариата ЦК о том, что М. К. считает нецелесообразным устройство общей рабочей демонстрации в день начала процесса и предполагает ограничиться частичными демонстрациями отдельных фабрик и заводов в течение всего процесса. Просить Секретариат ЦК дать точные указания»⁸³.

На следующий день на заседании «тройки» Политбюро ЦК РКП(б) отдельным пунктом «О свидетелях» было поручено МК РКП(б) составить «группу рабочих свидетелей с заводов, по возможности из всех районов Москвы, каковые рабочие-свидетели должны были бы в краткой форме обрисовать деятельность эсеров на их заводах и их районах в самый критический момент жизни Советской Республики. Свидетели с заводов, являющиеся на процесс, должны предварительно иметь за собой

одобрение максимального числа крупных заводов Москвы, снабженные подписями, ко времени собрания подписей, которые должны даваться сознательно, приурочить в дальнейшем всю агитацию в связи с процессом эсеров.

Признать крупную манифестацию желательной, но не приурочивать ее к 1-му дню процесса, а вырешить вопрос о манифестации в связи с успехом кампании с подписями. В 1-й день процесса ограничиться сравнительно небольшой манифестацией»⁸⁴.

Таким образом, идея организовать помимо демонстрации еще и выступления «свидетелей с заводов» в зале суда родилась в «тройке» Политбюро. Причем, сама демонстрация была поставлена в зависимое положение от успеха сбора подписей на заводах, что показывает, что это выступление в зале суда, бывшее по подсудимым 1-й группы, было для его организаторов важнее, чем общая демонстрация, которая становилась как бы фоном, контекстом для данного мероприятия.

7 июня 1922 г. на седьмом заседании «Агиткомиссии ЦК РКП(б)» зашла речь о ряде конкретных подготовительных мер к проведению демонстрации (и ее агитационной поддержке) 20 июня и было решено:

«а) Предложить всем газетам номера 20-го Июня посвятить убийству т. Володарского в связи с общей террористической деятельностью против рабочих и крестьян.

б) В нескольких номерах перед 20-м Июня вести подготовительную работу в этом направлении, все это тесно связать с процессом.

в) Предложить М. К. выпустить специальную листовку.

г) Предложить тов. Сорину на заседаниях Комиссии в пятницу в 11 час. утра сделать доклад о подготовительных мероприятиях к демонстрации.

д) Предложить т. Сорину представить в Комиссию для согласования лозунги к демонстрации»⁸⁵.

О готовящейся демонстрации 20 июня Г. К. Покровский писал иностранным товарищам: «Сейчас „комьячки“ получили от московского большевистского комитета секретное предписание к концу эсеровского процесса устроить грандиозную демонстрацию в Москве и перед зданием суда. Готовятся знамена с лозунгами: „Смерть предателям эсерам. „Долой социал-предателей 2-го и 2 1/2 интернационалов“ и т. д. На все это отпущены огромные средства, частью, разумеется, из отобранных у церкви; составляются соответствующие списки организаций и предприятий, кои обязаны будут участвовать в демонстрации, а так как все это дело нелегкое, в провинцию полетели соответствующие секретные телеграммы от Рекапы о мобилизации в Москву коммунистов „для срочной работы“»⁸⁶.

13 июня 1922 г. Агиткомиссия ЦК РКП(б) приняло следующее постановление:

«а) Общий план работ по организации демонстрации и ее проведения — утвердить.

б) Участие воинских частей в демонстрации в каком бы то ни было виде — признать нецелесообразным.

в) Признать необходимым усиление работ по проведению петиционной кампании. Привлечь к поданной петиции наиболее крупные предприятия и союзы металлистов главным образом.

г) Кричащие формы демонстрации (агитграмвайные вагоны и проч.) — признать нецелесообразным.

Тов. Вардину к 13 июня к вечеру составить лозунги, вытекающие из хода процесса»⁸⁷.

Тщательно подготовленная демонстрация 20 июня приняла грандиозный размах (по официальным данным в ней участвовало 300 тыс. чел.). Демонстрации предшествовала мощная газетная кампания, достигшая своего пика 20 июня 1922 г. После укороченного рабочего дня колонны демонстрантов в сопровождении духовых оркестров с плакатами, клеймящими «предателей-эсеров», собрались на Красной площади, где перед ними выступили председатель митинга Каменев, председатель трибунала Пятаков, обвинители Н. В. Крыленко и К. Цеткин, защитники 2-й группы Н. И. Бухарин, Ф. Кон, Ж. Садуль, а также целый ряд видных русских и западных коммунистов, делегированных Коминтерном.

Меньшевик Б. Двинов так описывал в «Социалистическом вестнике» это действо: «И вот, чтобы окончательно показать „глас народа“, затеяли эту сверх-гадость и сверх-пошлость: призвать Москву и Питер на улицу, чтобы демонстрировать в рабочий день (который оплачивают тому, кто участвует в шествии) свое требование ...смерти социалистов. До этого небывалого позора могли пойти только люди, окончательно потерявшие весь свой идейный багаж, люди, не стесняющиеся в своем падении демонстрировать всю срамоту свою.

И была демонстрация. На заводах составлялись списки участвующих. Не желающие подвергались двухдневному вычету жалованья, а впереди их, конечно, ожидало увольнение по „сокращению штатов“. И позор этот свершился. Часть рабочих с лесом знамен, на которых красовалось „смерть!.. смерть!..“ двинулась по улицам. Конечно, там была одна десятая часть рабочих, но была. Шла вяло, нехотя, без всякого энтузиазма, но шла. Шла под командой дядек, шли дети, ученики и все требовали „смерть“. И когда проходили мимо Дома Союзов, то шла команда: „раз, два, три“ и толпа подхватывала: „смерть эсерам!..“ А там внутри, заседал „Верховный революционный трибунал“, под аккомпанемент этого звериного рева „творил правосудие“. Так длилось часов пять»⁸⁸.

Ввиду участия в митинге на Красной площади членов суда, обвинителей и защитников 2-й группы состоялось лишь вечернее заседание суда. Здесь-то и развернулось главное действо.

Председатель суда Пятаков неожиданно объявил о двух ходатайствах рабочих Москвы и Петрограда. Первые прислали на суд делегацию из семи человек (по одному от каждого из районов Москвы), вторые просили зачитать заявление от имени рабочих 24 заводов Петрограда. Крыленко, отметив отсутствие precedентов (оговорившись, впрочем, что «ссылки на precedенты не наши»), посчитал возможным предоставить слово рабочим, ибо отказать им «это значило бы в данном случае войти в противоречие со всем духом строения нашей Пролетарской республики, в частности, с духом строения нашего Пролетарского Суда»⁸⁹. Его речь была длинной и путаной, так как он пытался придумать хоть какие-то оправдания для столь беспрецедентного в европейской и российской судебной практике политического действия, как выслушивание в зале суда представителей рабочих делегаций, не имевших ни малейшего отношения к суду. Свою речь Крыленко закончил таким пассажем: «Я думаю, что поскольку сегодняшний день является фактом, который нельзя вычеркнуть ни из сознания Трибунала, ни вообще изъять из исторической деятельности, — поскольку здесь в Трибунале мы выслушиваем заявления представителей трудящихся масс Петрограда и Москвы, которые непосредственно пережили, как это уже прошло перед судебным следствием, все кровавые эпизоды гражданской войны, виновницей которой, активных деятелей которой и их деяний мы сейчас обследуем, поскольку равным

образом в первоначальных заявлениях подсудимых и в последующих заявлениях имело место не раз ссылака и подвергался обследованию вопрос об отношениях, настроениях, симпатиях и антипатиях рабочих масс, их политических устремлений, постольку такое живое свидетельство, живое заявление лиц, которые на собственной спине перенесли все эти кровавые эпизоды и эти перипетии гражданской войны, представляют их неотъемлемое гражданское право, отнять которое не могут в данном случае требования и рамки формального закона. Я думаю, что именно по этим соображениям голос рабочих масс Москвы и голос рабочих масс Петрограда должен здесь прозвучать. Я вполне понимаю и вполне предвижу, что и буржуазная пресса и наши противники в области политических группировок без сомнения попытаются так, как им сие заблагорассудится, использовать этот факт, но не в первый раз нам приходится противопоставлять наше революционное право и наше революционное творчество их воззрению, их политике, их традициям, и их системе установления целого ряда учреждений. Мы не боимся. <...> Вот почему я полагаю и должен дать заключение в том смысле, что поскольку сие не находит место в рамках закона, характер и дух нашего Пролетарского Суда, как органа классовой борьбы, классовой расправы с врагами пролетариата, с врагами Революции, с врагами рабочего класса таковы, что для Революционного Трибунала является обязательной равным образом и в равной мере его тесная связь с пролетарскими трудящимися массами, поскольку нормы закона лишь гарантируют для него определенное избежание возможных судебных ошибок. Вот почему я полагаю, что допущены эти делегации для выяснения всего того, что хотят сказать, должны быть, а затем уже дело будет Ваше, товарищи судьи, дать соответствующий ответ, найти и указать, если найдете нужным, те рамки, в которых проходит процесс, и что найдете нужным ответить этим представителям»⁹⁰.

Адвокат 1-й группы обвиняемых Н. К. Муравьев, не видя «никаких законных оснований» для подобного действия, потребовал его отклонения⁹¹. От имени «другой части защиты» с поддержкой «инициативы» рабочих выступил Бухарин, сказавший, что нужно помнить уже прозвучавшие здесь слова Пятакова, что «...наш суд есть суд, который абсолютно беспристрастен в установлении фактов, но в то же самое время пристрастен постольку он является органом пролетарской диктатуры», а следовательно «должен выслушать мнение рабочей массы...»⁹². Подсудимые 1-й группы устами М. Я. Гендельмана от слова для заявления по этому вопросу отказались, очевидно, понимая, как это может быть истолковано пропагандой. Выступления рабочих, сопровождавшиеся громом аплодисментов, внесли «новое слово» в практику судебных процессов и поражают своей колоритностью.

В первой же речи рабочий Пискарев от имени 25 тысяч рабочих Буланского района заявил, что рабочие решили выступить, «узнав, что эсеры хотят суд над собой превратить в суд над рабочим классом, нагло заявляют, что все их преступные деяния поддерживали рабочие и работницы»⁹³. Заканчивалась декларация следующими требованиями: «Заявление эсеров на суде о том, что они и впредь не отказываются от борьбы с Советской властью, во имя якобы, интересов рабочего класса, заставляет нас обратиться к Верховному трибуналу с решительным требованием оберечь нас, рабочих и работниц, от таких „друзей“. Мы требуем, чтобы эсеры были обезврежены <...>»⁹⁴.

Это требование было поддержано неким слесарем Вейнером, утверждавшим, что «Рабочие Кремля требуют того же»⁹⁵.

Рабочий Кульков от имени 3 тысяч демонстрантов от «замоскворецкого района» прочитал соответствующую декларацию: «...Мы требуем от нашего пролетарского суда, чтобы не считаясь ни с какими соглашениями в Берлине по отношению этой партии, было применено со всей строгостью наше революционное законодательство. Слишком велика вина этой, якобы, социалистической партии, предавшей интересы рабочего класса и перешедшей на сторону наших классовых врагов. <...> Партия эсеров вновь хочет гражданской войны, вновь стремится окончательно разорить нашу страну, нет пощады подобным преступникам. <...>

Мы выражаем свое глубокое возмущение представителям 2 и 2 1/2 Интернационала, которые, считая себя представителями рабочих и выступают в защиту классовых врагов пролетариата.

Мы обращаемся в пролетарии (так в тексте. — *К. М.*) всего мира с призывом изгнать подобный элемент из своих рядов и энергично приступить к созданию единого рабочего фронта»⁹⁶.

Красочней всех выступил рабочий завода Михельсона Иванов, предвавший чтение резолюции своими «свидетельскими показаниями» о покушении на Ленина, очевидцем которого он был: «Я задержал ту преступницу, которая стреляла именно в Ильича от партии социалистов-революционеров. Смотрите косо (обращается к эсерам).<...> когда было покушение на Урицкого и Володарского, я все-таки сам себе не доверял, что именно социалисты-революционеры могли сделать то преступление, на которое шли наши передовые вожди для того, чтобы защитить рабоче-крестьянскую власть (так в тексте — *К. М.*). Когда я увидел в тот момент, как Ваш товарищ Фаня Каплан пришла к нам на собрание, я, старый партийный работник, но безграмотный, сын прачки, который отдал себя всецело делу революции, что же я увидел. Я до этого не верил, что пойдут на такой ад социалисты-революционеры.<...> Я думал, что это известная подпольная работница, не считался с тем, кто она есть — эсеровка, или меньшевичка, но я знал, что когда я работал с 1900 года в Петрограде и был выслан к черту на куличики в Донецкий бассейн, в шахты был загнан за то, что я страдал за ту революцию, за то убеждение, которое я проводил, что высказал, я думал, что Фаня Каплан тоже работница. До этого я не понимал, что могут делать такие преступления эсеры. И в конце концов, когда товарищ Ильич, окончивши собрание, вышел с трибуны, надевая на левую руку пальто, надевая шляпу, и надевая на себя правой рукой пальто, в этот момент подходит гимназист на подобие Лихача, который сидит здесь, это был когда-то товарищ, сейчас — не товарищ.<...> Я могу сказать откровенно, что у меня было подозрение на одного черноморского моряка, на подобие товарища в черной рубашке, который тут сидит, я его не знаю, но тоже такой тип с черноморской ленточкой и в желтой накидке, но я к сожалению не поймал этого товарища. Когда собрание окончилось и я закрыв собрание, стал уходить последним, я увидел, [что] толпа бросилась в здание корпуса, где проходил митинг. Товарищи рабочие говорили, что матрос, которого я сам видел, который ходил и волновался до приезда Ильича, упал во время выхода рабочих при выстреле в Ильича Фаней Каплан, что задержать его и Фаню Каплан они не могли, ибо они выскочили немедленно сквозь эту толпу и бросились к тому автомобилю, где они до этого дожидались Ильича. <...> Товарищ Иванов бросился в этот момент и догнал вашу преступницу, ту, которую вы посылали на убийство Всемирного Вождя Пролетарской Революции.

Шум, крики: позор, позор (аплодисменты) <...> И я, безусловно, товарищи, задержал вашу Фаньку Каплан, которая произвела выстрел в Ильича. И вы, товарищи, не думайте, нет, вы были раньше товарищи, теперь я не назову вас товарищами, это только по примеру старой борьбы, называю я вас товарищами. Когда я задержал Фаню Каплан, я не дал ни одному рабочему, которые здесь все были беспартийные, которые хотели в этот момент растерзать вашу Фаню Каплан на куски, чтобы покончить с ней, я не допустил этого, и мне самому попало от этих же беспартийных товарищей две оплеухи. Но я не отпустил Фаню Каплан, и когда спросил ее: „скажи, пожалуйста, по чьему указанию сделала ты это преступление“, она ответила мне — по предложению социалистов-революционеров. Я исполнила свой долг с доблестью и помру с доблестью»⁹⁷.

Весьма пространная «декларация от 15 000 демонстрантов Хамовнического района», прочитанная Ивановым, заканчивалась словами: «...Перед Верховным трибуналом предстали виновники всех бед, обрушившихся на разоренную страну. Они должны ответить за пролитую кровь по их вине, за все лишения трудового народа, втянут[ого] ими в гражданскую войну. Верховный трибунал выскажет им свой суровый приговор. Пусть высшая мера наказания постигнет этих врагов народа, убивших славных вождей пролетариата тов. Володарского, Урицкого и посягнувших на жизнь дорого[го] Ильича. Им не достаточно быть на месте среди торжествующего пролетариата, этим Иудам, предателям, торгующим своими убеждениями и продававшим их мировому капиталу»⁹⁸.

Рабочий Жариков от имени «трех фабрик Хамовнического района» заявил: «Рабочие, посылая меня сюда, узнав о том, что социалисты-революционеры собираются еще продолжать войну с рабочими и крестьянами, поручили мне, как жертве гражданской войны, заявить, что рабочий класс не допустит того момента, чтобы социалисты-революционеры, продавшие себя буржуазии, опять обрушились на рабочий класс. Рабочий класс опять стоит на страже и будет свою революцию и власть защищать до последней капли крови»⁹⁹.

Рабочий Немудов (в другом месте стенограммы — Немудров) от Краснопресненского района выразил от имени «демонстрации в 50.000 товарищей» — «свое пролетарское презрение» к эсерам, «которые сотрудничали с международной буржуазией, которые взрывали мосты и уничтожали продовольствие, последствием чего пролиты моря пролетарской крови и немало рабочих померли преждевременно от голода и холода. А посему мне поручено передать Революционному трибуналу, чтобы Революционный трибунал по всем статьям закона (так в тексте. — К. М.), никакого послабления, как к изменникам рабочим и крестьянам, для охраны пролетарской Революции, не сделал»¹⁰⁰.

Почтовый служащий Горбунов изложил «мнение рабочих и служащих Городского района» и дал любопытное описание только что состоявшейся демонстрации: «Сегодня в два часа они стеклись и заполнили Трубную площадь со всеми прилегающими улицами. Сколько их было, мы не знаем точно, но думаем, что не менее сорока тысяч. Сегодня они выбрали 10 человек, чтобы здесь высказать перед судом Республики волю рабочих и служащих — я нарочно говорю не только от рабочих Городского района, но и от служащих, я сам служащий, я почтовик, а эсеры знают, какую роль почтовики играли в их организациях. Мы, почтовики, отлично увидели за время революции ваши, господа эсеры, истинные физиономии. <...> Рабочие с завода Михельсона говорили уже, что они вам не

верят, но и мы, служащие, не только вам не верим, но искренно убедились в том, что вы не защитники рабочего класса, а прихлебатели буржуазии, ибо она всегда проходила в этой борьбе за вашими спинами. (Аплодисменты). <...> Я не знаю Гоца, но я слышал, что он родственник Высоцкого и, в таком случае, он знает чайного короля. Советская власть дала нам дом, потому что он достался ей по священному праву Революции, но если бы у власти были вы, господа Гоцы, то Высоцкий выгнал бы нас из этого дома, как последних собак. (Аплодисменты)<...> Мы, рабочие, работницы и трудящиеся граждане Городского района, требуем от Верховного Трибунала очистить землю нашей Советской Республики от врагов и предателей рабочего дела. Нашим хлебом откормлены эти псы буржуазии. <...> Смерть им, предателям и убийцам. Долой, к Милюкову, вон из нашей земли всех агентов и псов буржуазии...»¹⁰¹

Беспартийный рабочий Московского центрального телеграфа Захаров восклицал: «Я <...> уполномочен заявить здесь Центральному Комитету партии социалистов-революционеров, что их цитадель крепость Центральный телеграф перестала существовать. <...> Нет, у вас нет сил, и мы за вами не пойдём, а пойдём за Коммунистической Партией. Это заявляю я, взрослый 30-летний рабочий, мои симпатии в 17 году, не стыжусь признаться, были на вашей стороне. Вы разбили эту веру в вас своими грязными делами, своими продажными поступками, давлением на нашу рабочую спину совместно со всей мировой западно-европейской буржуазией, всей Западной Европой. Вы затоптали нашу веру в вас, и мы не пойдём за вами. Я торжественно заявляю это от лица 3 000 служащих почты и телеграфа (Аплодисменты). Вы — проклятие на нашем пути, вы явились темным пятном на революционном солнце России. Вы затоптали тени своих лучших людей из вашей партии (Аплодисменты) и Перовская, и Каляев, погибшие за лучшую долю рабочих, перевернутся в своих гробах. <...> Мы видим наших защитников только в коммунистической партии и отдаём ей должное в борьбе за наше рабочее дело. Мы говорим Революционному трибуналу республики: не надо церемоний, не может быть каких-то полумер. Или высшая мера наказания для вас, или туда — к Милюкову, Гучкову, Родзянко. Туда полезайте. Ваша историческая песня спета (Аплодисменты)»¹⁰².

В том же духе высказывался и Коробичек от имени «15 тысяч человек Рогожско-Симоновского района»: «<...> Я лично работал в социал-демократической партии, старой, умершей и также преклонялся перед отдельными личностями Каляева, Перовской и других. За время гражданской войны, революционной войны, рабочие увидели, что партия эсеров превратилась в бандитскую партию. Рабочий класс Рогожско-Симоновского района послал нас сюда для того, чтобы поставить на вид Ревтрибуналу, чтобы он действительно вынес самую суровую меру наказания, чтобы эта партия действительно перестала существовать, как партия, и чтобы ее судили не как политическую партию, а как партию бандитов, которая действительно является черным пятном на солнце Русской Революции...»¹⁰³

Представитель Сокольнического района Миронов прочитал декларацию от 13 тысяч человек: «<...> Мы, представители крупнейших предприятий Сокольнического района <...> уполномочены заявить суду Верховного трибунала следующее: партия эсеров с февральской революции 1917 года, когда она была господствующей партией, ясно обнаружила перед рабочим классом и трудовым крестьянством, как партия предателя революции.<...> Мы заявляем суду Верховного Трибунала [—] только Советская власть может сохранить пролетариат России и всего мира от

угнетения мировой буржуазии. <...> Мы требуем суровой кары подсудимым членам Центрального Комитета социалистов-революционеров, объявившим открытую войну Советской власти и стремящимся зажечь в разрозненной стране пламя новой гражданской войны. Да здравствует наша Советская власть»¹⁰⁴.

Одну из самых сумбурных и эмоциональных речей, в которой вся ответственность за все бедствия гражданской войны была возложена исключительно на партию эсеров, произнесла работница Тарасова: «Товарищи, я комендатована сюда от нескольких тысяч женщин, которым партия социалистов-революционеров нанесла самый тяжелый удар. Товарищи, в эту революцию мы пережили самые критические моменты, терпели самые тяжелые несчастья. Мужей брали на фронты гражданской войны, дети помирали с голоду на глазах матерей. Партия социалистов-революционеров своими бесстыжими глазами смотрела на нас из-за углов и убивала на каждом шагу. <...> Нет, товарищи, вам пощады не будет и прошу Верховный трибунал дать им самое строгое наказание за то, что они на нас, на женщин наложили такую тягость, что нам пришлось отбиваться от дома и сирот детей помешать в дома, и голодали эти дети, но мы усиленно работали и детей часть спасли, а вам, товарищи, не будет спасения от женщин работниц города Москвы»¹⁰⁵.

После того, как выступили все желавшие высказаться представители московских рабочих, Пятаков заявил им: «...И вы можете быть спокойны и можете передать рабочим района, что если будет установлена виновность тех или иных лиц, то наш суд, суд Рабоче-крестьянской республики не остановится перед принятием высшей меры наказания по отношению к тем, кто действительно повинен в вооруженном посягательстве на Советскую власть. Если это доказано не будет, то, разумеется, приговор суда будет другой. <...> Суд Верховного революционного трибунала заседает не даром. Он не допустит ошибочного осуждения, он не допустит и ошибочного оправдания <...>»¹⁰⁶.

Речь Пятакова так вдохновила кремлевского слесаря Вейнера, что он вдруг стал выкрикивать здравицы, которые были поддержаны аплодисментами зала: «С праздником всемирного пролетариата! Да здравствует Красная Советская власть! Тебе подает руку всемирный пролетариат! Да здравствует равенство, братство, мир и хлеб! Беспощадное наказание тем, которые удушали рабочий класс! (Аплодисменты)»¹⁰⁷.

После этого Пятаков предоставил возможность высказаться и представителям питерских рабочих. Его приглашение прозвучало достаточно двусмысленно и комично: «Товарищи Питерцы, просим предстать перед Революционным трибуналом»¹⁰⁸.

Представитель питерской делегации зачитал весьма пространную общую декларацию, которая заканчивалась словами: «...Петроградские рабочие никогда не забудут, что в течение 4-х лет партия эсеров была главным агентом Антанты, и что члены этой партии на всех фронтах вместе с бывшими царскими генералами и офицерами проливали кровь рабочих и крестьян России. Петроградские рабочие помнят, как вы чуть не убили Ленина, как ваши друзья уложили в гроб Урицкого. Рабочие и работницы Петрограда, как и все трудящиеся России, проклинают предательскую партию эсеров. Сотни и тысячи рабочих, которые когда-то доверяли эсерам, отошли от них, ужаснувшись той бездны предательства эсеровских вождей, которые открылись в 1918—19 гг. В рядах эсеров ныне нет честных рабочих и крестьян. Партия стала чисто буржуазной партией. <...> все мы одинаково, как партийные, так и беспартийные, бросаем госпо-

дам эсерам: вы убийцы Володарского, вы продажные агенты Антанты, вы — враги трудящихся и пусть карающая рука пролетарского правосудия обрушится на злейших врагов Великой Революции <...>¹⁰⁹.

Делегатка «Треугольника» Висневская восклицала: «Товарищи судьи, я от имени сотни тысяч рабочих Красного Питера, от жен убитых в гражданской войне, причиной которой были эти господа, которые сидят здесь на скамьях подсудимых, я прошу Ревтрибунал вынести суровый приговор тем, кто покушался в течение 4 лет на нашу свободу, тем, кто заставлял умирать на многочисленных фронтах наших мужей и сыновей, кто заставлял умирать наших детей от тяжелых мук голода, кто приходил на наши заводы мутить и подстрекать рабочих, кто никогда не встречал сочувствия, всегда встречал отпор. А знайте, предатели рабочего класса, знайте, убийцы, что сегодня вы похоронены как партия революционеров. Мы, работники Красного Питера, просим перевести этих подсудимых со скамьи политической на скамью преступников, убийц и поджигателей. Они не заслуживают быть на скамье политических подсудимых, а на скамье преступников, ибо они этого заслужили <...>¹¹⁰.

Беспартийный рабочий-металлист Тюльпин заявлял: «<...> Теперь мы видим, беспартийные рабочие города Петрограда, кто был прав и кто виноват, почему Советскую власть ругали, что она не давала ничего. Теперь мы убедились, что она лишь потому не давала, что вы, господа, социалисты-революционеры, в этом виноваты. Теперь я всему Петрограду скажу: товарищи, если вы голодали, если нас калечила гражданская война, если десятки тысяч детей остались сиротами, то все это из-за вас, господа социалисты-революционеры, палачей. <...> Пусть знает беспартийный класс России, весь беспартийный класс Европы, что вы предатели рабочего класса, из-за вас рабочая кровь пролита, из-за вас дети на кладбищах похоронены, из-за вас искалеченные ходят на коленях и просят Христа ради, из-за вас паразитов <...>¹¹¹.

Это выступление, безусловно, похожее и по сути и по стилю на все предшествующие выступления и на тысячи выносимых резолюций, тем не менее особо остро позволяет почувствовать и осознать две вещи. Во-первых, власти сделали эсеров виноватыми не только в том, в чем они могли быть признаны виновными, но и в том, к чему те не имели ни малейшего отношения, в том числе и за просчеты и преступления самой большевистской власти. Во многих выступлениях прозвучала уверенность рабочих в том, что истинные виновники и гражданской войны и всех несчастий народа наконец-то найдены.

Все эти резолюции и речи позволяют сделать вывод о том, что властям удалось не только создать гигантский всероссийский театр с заранее подготовленными ораторами и резолюциями, но и убедить часть людей в том, что главные виновники всех бедствий народа, или, пользуясь образом М. А. Лихача, что главные «евреи» для русского народа на современном этапе — это эсеры¹¹². Что надо с ними делать, тоже звучало рефреном и также может быть обобщено словами рабочего Тюльпина, речью которого и было завершено это беспрецедентное шоу в зале суда. Обращаясь к судьям, к публике, оратор восклицал: «Смерть социалистам-революционерам, смерть предателям, заявляю это от беспартийных Петрограда. Помилование тем, кто создал свою ошибку. Пощада тем, кто с нами. Смерть тому, кто против нас!»¹¹³.

Собственно эти слова малограмотного рабочего таили в себе не только жажду расправы, он сумел емко выразить то, что говорила и сама новая власть, уничтожающая недавних своих соратников. Его слова — это

целый манифест, проникнутый духом и логикой «политической целесообразности», отрицания старых традиций и уничтожения любого инакомыслия.

Для подсудимых 1-й группы все эти выступления были крайне тяжелы. Очевидцы сравнивали это с Голгофой. Меньшевик Двинов восклицал: «И „народ“ предстал в „суде“. Два с половиной часа кричали там что-то какие-то фурии, потрясали кулаками, свирепствовали, ругались и бесновались. Два с половиной часа самой доподлинной голгофы выдержали эсеры и не издали ни звука. И все это было в Москве, в 1922 г. после 5 лет революции в заведении, которое носит название „Верховный Революционный Трибунал“. Конечно, это вызвало уход защиты. Но что им до того. „Занавес! Спектакль продолжается!..“

Зрелищ! Побольше! Погромче!.. требует большевистский Молох, и великая трагедия Русской Революции выволакивается на площадь на посмеище и поруганье! Кривляются, потешая раек, скоморохи — обвинители и гогочет толпа пошехонцев, приведенная из ГПУ, чтобы своим рвением засвидетельствовать свою готовность служить чем угодно и как угодно. «Мы глядим в лицо смерти!» — заявляет мужественно Гоц. Кривляются в ответ Смердяковы революции и ...го-го-го!! Ржут чекисты. Не один момент этой драмы большевики не упускают, чтоб не опозлить ее, не превратить во что-то отвратительное»¹¹⁴.

Нельзя не заметить, что многие из выступавших были искренни. Воздействие на их сознание газетной кампании, участия в митингах и, конечно же, в грандиозной демонстрации 20 июня не прошло бесследно. Мы имеем дело с очень интересным психологическим феноменом. Длительная пропагандистская шумиха, многочисленные митинги и петиции, шествие сотен тысяч демонстрантов на улицах Москвы с лозунгами «Смерть эсеровским убийцам!», митинговые речи лучших большевистских агитаторов оказывали мощнейшее эмоционально-психологическое воздействие на самих участников этих колонн, многие из которых встали в них не по своей воле, и на обывателей, и на колеблющихся, и на самих коммунистов и даже на подсудимых. Рациональное объяснение подготовленности действия не снимало того морального воздействия, которое производили на них эти колонны и их лозунги, выступления рабочих, допущенных в зал суда и требовавших от имени тысяч рабочих своих заводов их расстрела и т. д.

Жена Д. Д. Донского Наталья Михайловна, присутствовавшая на процессе, так вспоминала об этом: «Тяжело было обвиняемым слышать грозное обвинение группы питерских рабочих. Зная Дмитрия Дмитриевича артистка Художественного театра Коренева, присутствовавшая на заседании, вполголоса твердила: „Это же Голгофа, Голгофа...“»¹¹⁵.

Не менее интересен следующий разговор среди подсудимых 1-й группы, подслушанный «разведчиком» Активотделения МГО ГПУ, дежурившим 28 июля 1922 г. у спецаппарата, установленного в тюрьме в Кисельном переулке: «Однажды разговаривали о процессе и один из них сказал: „Нас рабочие приговорили к смерти и хорошего нечего ожидать“, а второй и говорит: „Дорогой, как вы рассуждаете, как малый ребенок, а что вы не знаете что ли, что на каждом заводе коммунистов до черта. Ведь их же власть, а раз их власть, то было можно сделать все, да тем более, что рабочий запуганный, забитый, что не скажи все для него ладно, сойдет, что они — что-либо понимают что ли?“»¹¹⁶.

Но показательно и другое. Когда встал вопрос о допуске рабочих делегаций в зал суда, защита 1-й группы категорически протестовала, а вот сами подсудимые от заявления отказались! Они не могли отказаться вы-

слушать мнение рабочих (пусть и обманутых), ибо это было бы препода-
но всей коммунистической пропагандой, как страх и признание своей ви-
ны и нежелание слушать «глас народа».

§ 2. «ЕСЛИ БЫ ЭТОГО ПРОЦЕССА НЕ БЫЛО, ЕГО СЛЕДОВАЛО ВЫДУМАТЬ РАДИ ТАКОГО БОЛЬШОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПАРТИИ»: РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ ПРОТЕСТНОЙ КАМПАНИИ В ЕВРОПЕ

В заголовок параграфа вынесены слова В. М. Чернова, которые были услышаны секретным сотрудником берлинской резидентуры ИНО ГПУ и переданы в Москву. В этих словах нет преувеличения. Эсеровская эмиграция (при помощи меньшевиков) сумела развернуть грандиозную протестную кампанию в Западной Европе и высоко поднять престиж ПСР, которая стала рассматриваться немалой частью западных социалистов, как авангард в борьбе с «коммунистической угрозой» и экспансией Коминтерна, опасность которых они только-только начинали осознавать, в том числе и благодаря процессу с.-р.

Было бы ошибкой считать, что эсеровские организации в России безучастно взирали на вакханалию большевистской пропаганды. Напротив, как только стало известно о готовящемся процессе, все силы российских эсеров были брошены на контрпропаганду. Эсеры (а также и меньшевики) пытались вести как устную агитацию (например, на митингах, устраиваемых по этому поводу властями), так и печатную (в нелегальных партийных газетах и листовках). Естественно, подсудимым выражалась всяческая поддержка на страницах нелегальной эсеровской прессы в России и эмигрантской партийной печати.

Анализ эсеровских листовок, воззваний, газетных статей из нелегальной прессы свидетельствует о том, что будучи написаны ярко, образно, они хлестко и зло били большевиков и по своему качеству явно превосходили пропагандистские утки своих противников¹¹⁷.

Впрочем, ясно, что масштабы контрпропаганды эсеров и меньшевиков были совершенно несопоставимы с масштабами официальной государственной пропагандистской машины. И если российские эсеры и меньшевики, чьи организации и типографии непрерывно громили чекисты, в лучшем случае могли влиять отдельными листовками и устной пропагандой на тысячи людей, то власть подвергла систематической и очень интенсивной пропагандистской обработке миллионы и десятки миллионов (в силу понятных причин пропаганда менее интенсивно велась в деревенской глубинке).

Поставленные в слишком неравные условия, эсеры проиграли битву за умы людей в России, но одержали внушительную победу за ее пределами. Документы свидетельствуют о тех сверхусилиях, которые приложили заграничные эсеры, организуя антибольшевистскую кампанию. Она стала катализатором и детонатором мощного протестного движения, охватившего на Западе разные слои общества (прежде всего рабочее и социалистическое движение). Особо подчеркнем, что за годы революции и гражданской войны разногласия и взаимное неприятие разных эсеровских лидеров и эмигрантских групп заметно обострились. Так, например, «правые» эсеры устами Н. Д. Авксентьева обвиняли В. М. Чернова и его

сторонников в том, что их «левизна» и пробольшеви́стские колебания сыграли роковую роль в судьбах партии и России. Чернов же обвинял «правых» и «правый центр» в навязывании в 1917 г. партии коалиционного соглашения с кадетами и повторении этого катастрофического опыта в годы гражданской войны. Но процесс 1922 г. временно сплотил все враждующие группы эсеровской эмиграции, и они выступили единым фронтом, хотя и не без трений (подробнее об этом см. ниже). Представляется, что ни до, ни после эсеровская эмиграция не действовала с таким единодушием и такой самоотдачей, что и позволило ей организовать грандиозную международную кампанию в защиту подсудимых эсеров, которая приобрела невероятный размах и стала ярчайшей страницей процесса и одновременно неприятнейшим сюрпризом для большевистского руководства.

То, что эсеровская эмиграция стала действовать в тот же день, как узнала о готовящемся процессе, хорошо видно из доклада Е. Роговского, сделанного 15 марта 1922 г. в Берлине на заседании Заграничной Делегации ПСР, посвященном организации агитационно-пропагандистской деятельности в связи с предстоящим процессом: «Известие о суде в Париже получили в прошлую субботу. Тут же позвонили т. Рубановичу; не розыскав в этот день И. А. Рубановича, мы, в составе т.т. Руднева, Керенского, Минора, Рубинштейна и меня устроили собрание, на котором предложили В. В. Рудневу написать письмо в Делегацию с просьбой прислать материалы, подробные сведения и указать мероприятия; на этом же заседании было постановлено в порядке срочности обратиться к Гендерсону и Вандервельду с просьбой принять срочные меры: одновременно стоворились с Реноделем, и на понедельник было назначено с ним свидание. В понедельник достали брошюру Семенова-Васильева, свободно продававшуюся в магазине Поволоцкого: на понедельник же было назначено собрание группы, на котором был сделан доклад о предпринятом и на котором пришли к выводу, что этот процесс такое исключительное дело, что потребует напряжения всех наличных партийных сил.

Намечалось создание Бюро, в которое должен был войти и присутствующий в Париже чл. Загр. Делегации И. А. Рубанович. Во вторник состоялось свидание с Реноделем, который горячо воспринял нашу просьбу вмешаться в это дело, но заявил, что для формальной постановки вопроса нужно, чтобы предложение шло формально от партии, т. е. через Делегацию. <...> Решили, что нужно послать кого-нибудь в Англию, но встретилось затруднение с визами. Тогда Керенский послал телеграммы социалистическим партиям Англии и Бельгии. От Гендерсона был ответ, что все будет сделано. Был ответ и от Брантинга.

Для улаживания конфликта с И. А. [Рубановичем] к нему поехал И. И. Фондаминский, после чего И. А. решил ходить на заседания. Наша просьба, в связи с этим делом — установить нормальные отношения группы содействия с И. А. и объяснить ему, что в этом деле надо действовать солидарно.

Считаю долгом заявить, что несмотря на то, что парижская группа содейств[ия] не сочувствует идее суда всех трех интернационалов в практических мероприятиях и мы по этому вопросу подчинились Заграничной Делегации и сделали соответствующие практические выводы, в смысле энергичного продолжения начатой кампании»¹¹⁸.

Яркое представление о развертывании эсерами контрпропагандистской кампании дает Отчет Комиссии по ведению кампании в связи с процессом от 29 апреля 1922 г., в котором говорилось: «По образовании комиссии, весь имеющийся по делу материал (телеграфное сообщение из

Ревеля), данный из Москвы, брошюры Семенова-Васильева и газетные материалы по размножении были разосланы по группам содействия П. С.Р. и отдельным товарищам в Париж, Лондон, Прагу, Ревель, Рим, Брюссель, Нью-Йорк с циркулярным предложением от имени делегации оповестить социалистическую прессу и видных деятелей о готовящемся процессе. Тогда же эти материалы на французском и немецком языках были разосланы по секретариатам социалистических газет и отдельным лидерам.

Всего было разослано по 73 адресам: Германии, Франции, Англии, Чехо-Словакии, Италии, Бельгии и российским лимитрофам. Одновременно было приступлено к переводу на французский и немецкий языки брошюры Семенова, легкой в основании привлечения наших товарищей к суду.

9-го числа было разослано по редакциям берлинских газет и передано в телеграфное агентство и разослано по 244 адресам краткое коммюнике о готовящемся насилии.

В этот же день выпущенное З. Д. воззвание с призывом немедленно вмешаться для предотвращения готовящегося насилия было разослано на французском, немецком и английском языках по вышеназванным адресам и передано в телеграфное агентство для рассылки, что и было сделано по 244 адресам.

10 марта по вышеназванным адресам на трех языках было разослано воззвание-меморандум З. Д. к „социалистическому миру“. Воззвание подробно указывало преступления советской власти, провокационные основания привлечения к суду наших товарищей и оканчивалось призывом к социалистическому миру требовать суда 3-х интернационалов, разосланное почти во все уголки Западной Европы и Америки; означенное воззвание в выписках появилось в социалистической прессе почти всего мира.

14 марта была послана циркулярная телеграмма на трех языках по 73 адресам о немедленном вмешательстве. Означенная телеграмма вызвала бурю негодования против насилия Москвы и появилась почти во всей социалистической прессе Европы. Параллельно циркулярной телеграмме на имя групп содействия и отдельных товарищей **предлагалось систематически получаемые телеграммы передавать по социалистическим центрам и постоянно держать в напряжении социалистическую прессу по поводу поднятой кампании** (выделено нами. — К. М.).

Одновременно с печатанием материала в „Голосе России“ документальные данные, касающиеся процесса и вообще новые сведения из Москвы, систематически, циркулярной телеграммой передавали по 73 адресам. Так, были посланы телеграммы: 14 марта, 15 марта, 17 марта, 18 марта, 23 марта, 24 марта, 25 марта и т. д. Телеграммы посылались почти каждые два дня и таким образом достигалась плановость и координация работы во всех странах. Параллельно с оповещением групп содействия и отдельных товарищей о ходе кампании, поступающих телеграммах, протестах и т. д. группы призывались к собиранию материалов и высылке таковых в секретариат З. Д. »¹¹⁹.

Эту бурную деятельность немедленно отразила в своих донесениях агентура ИНО ГПУ. Так, Иностраный отдел ГПУ, ссылаясь на резидентуру в Париже 31 марта 1922 г. сообщал в СО ГПУ: «На этих днях Керенский и Минор послали следующую телеграмму: НАНСЕНУ Женева 20 марта, в Москве будут судиться 47 социал-революционеров, большинство из которых наши старые друзья по борьбе с царизмом. Принимая во внимание Ваш высокий моральный авторитет, просим Вас во имя гуманности вступить, чтобы избежать непоправимого результат. Керенский, Минор»¹²⁰.

Берлинская резидентура ИНО ГПУ 31 марта 1922 г. сообщала в Москву: «Чернов о процессе ЦК ПСР высказался 19-III следующим образом: По мнению Чернова это первое выступление партии за границей. — Весь мир поднят против большевиков. Если бы этого процесса не было, его следовало выдумать ради такого большого политического выступления против партии. Процесс отложен, значит, мировая победа одержана. — Возможно, что этот процесс будет началом конца большевистской власти. — Одно из последних писем из Москвы, полученных от Г. Покровского, случайно оставшегося на свободе, указывает, что там зашевелились, что идет подготовка к чему-то большому и важному (выделено нами. — К. М.).»

20-3 Чернов имел длительное свидание с Церетели.

22-3 Чернов посетил редактора Форверта и совещался с ним по поводу агитации против процесса.

В Италии всю закулисную работу компан[ии] протеста против процесса ведет сын Г. Шрейдера.

Близкое участие в юридической стороне подготовляемого процесса принимает О. Грузенберг.

До сих пор затрачено на компан[ию] по поводу протеста 9.000.000 м[аро]к. Делегация приняла конкретные шаги для создания, так называем., суда из представителей всех трех интернационалов. Сухомлин находится в Вене, где ведет переговоры по этому поводу»¹²¹.

Сразу отметим, что участвовали в этой европейской кампании прежде всего социалистические партии, профсоюзы и ряд известных общественных деятелей, ученых, писателей; а не буржуазные круги и правительства, как это утверждала советская пропагандистская машина. На фоне громогласных утверждений советской пропаганды об эсерах как о «буржуазных наймитах», любопытно замечание В. О. Фабриканта об отношении французских буржуа к эсерам. В своем письме Б. Н. Рабиновичу от 25 августа 1922 г. он, рассуждая о том, что брошюру «12 смертников» не следует раздавать даром, т. к. это отпугнет французских рабочих, которые смотрят на «даровую» литературу «как на рекламу и не читают ее», далее замечал: «Богачей, которые дали бы большую плату за такую брошюру, я не знаю, да таких и нет. Они ненавидят с.-р., тех, которые являются последовательными социалистами (земля народу, социал[изация] земли, интернационал действенный и т. д.). А ведь 12 смертников, по мнению этих богачей 12 раз заслужили смерть: **их ненавидят больше большевиков**. Поэтому раз навсегда надо оставить эту иллюзию богачей (так в тексте. — К. М.). Я говорю, конечно, не об исключениях, помогающих нам»¹²².

Безусловно, основным источником моральной и финансовой поддержки для ПСР в организации антибольшевистской кампании являлись социалистические партии. Так, например, 16 июля и 16 августа 1922 г. В. М. Зензинов отправил в ЦК Чехословацкой социал-демократической партии и ЦК Чехословацкой социалистической партии письма одинакового содержания: «Дорогие товарищи, настоящим подтверждаю получение от Вас через тов. Брушвита 5000 ч.с. крон, внесенных Вами на усиленные кампании в пользу освобождения приговоренных по московскому процессу социалистов-революционеров. От имени нашей партии приношу Вам, дорогие товарищи, горячую благодарность за оказанную Вами братскую помощь»¹²³. Деньги на контрагитацию эсеры также получали, торгуя открытками соответствующего содержания на многолюдных митингах протеста, которые проходили в Праге. Так, корреспондент В. М. Зензинова, некий «Вано» в письме от 12 августа 1922 г. сообщал ему: «Твою вторую партию открыток распродал, этому содействовали митинги

(русский и чешский), при входе на которые открытки продавались, и не хватило. Так как через несколько дней будет митинг Вандервельде, то открытки опять понадобятся, поэтому пришли еще 600 (по 300 каждой)»¹²⁴. Открыток планировали выпустить несколько серий по 18—20 штук в каждой, на 5 языках (немецком, русском, французском, английском и чешском) общим тиражом в 45—50 тыс. экз. На каждой открытке вместо изображения был размещен небольшой печатный текст (10—12 строк петитом)¹²⁵.

Заграничные эсеры, развернув кампанию протеста против судилища, устроенного коммунистами, пытались действовать во всех направлениях: от инициации резолюций и писем протеста со стороны видных общественных фигур и политических партий до попыток организации за границей протестных митингов. О том, что пражской колонии эсеров удалось широко поставить эту кампанию, они сообщали В. О. Фабриканту еще 2 сентября: «митинги протеста идут по всей Праге и Чехии»¹²⁶. В свою очередь, 11 сентября 1922 г. В. О. Фабрикант писал из Парижа в Прагу от имени местных эсеров: «Завтра же обсудим и решим вопрос о митингах протеста. Здесь это труднее, чем у вас, но со своей стороны я сделаю все возможное»¹²⁷. О своих усилиях по организации митинга в Париже В. О. Фабрикант сообщал в письме от 30 сентября 1922 г.: «Вчера вечером состоялось предварительное совещание представителей групп бывш. Рос[сийских] социалист[ических] партий в Париже по вопросу об устройстве митинга протеста против москов[ского] приговора. Решено созвать представителей всех социалистических групп **иностраных** партий в Париже (англ., итал., американ., испанской, всех российских партий и т. д.) и устроить митинг коллективными усилиями»¹²⁸. Небезынтересно, что инициатива этого митинга, по его же словам, принадлежала меньшевикам¹²⁹. Впрочем, параллельно В. О. Фабрикант вел переговоры с секретарем «Ligue des Droits de l'Homme» об устройстве французского митинга протеста в Париже, инициатива которого принадлежала самой этой организации¹³⁰. Весьма пессимистично перспективы публичных мероприятий оценивал О. С. Минор, который в августе 1922 г. восклицал: «Здесь, в Париже, **теперь** нельзя устроить ни лекций, ни вечеров, ни митингов. Это просто невозможно: мы — капля в русском море сволочи. Здесь не Прага...»¹³¹.

Вот как описывал митинг в поддержку осужденных эсеров в Праге 11 августа 1922 г. Брушвит в своем письме В. М. Зензинову: «Очень жалко, что Вы вчера не присутствовали на митинге. Было что-то уже давно в Праге невиданное. Народу было столько, что Большой зал Жофини не мог вместить всех и почти такое число, какое было внутри зала, организовало митинг под открытым небом. Потом, несмотря на дождь и позднее время (9 час. вечера), собравшиеся пошли процессией на Староместскую площадь, где был митинг продолжен. На улице присоединялась публика в таком количестве, что площадь была почти переполнена. Все время шли с пением Чешского гимна и рабочих песен. Настроение было бурное против коммунистов, в особенности против Шмерала и Муна. В перерывах между пением раздавались возгласы вроде „долой с коммунистическими палачами“, „долой с Šibenickým Radom“ (Smeral получил здесь прочный эпитет „Šibenícnovi rada“, что по-немецки означает „Негг Galgen-Pati“ — советник от виселицы). Возгласы подхватывались многочисленной публикой, которая стояла на тротуарах.

Знаете, дорогой, я давно не переживал таких минут: на исторической площади среди ночной тьмы стройное пение более чем десяти тысячной толпы, сердечные, проникнутые сознанием момента, вызывающие слезы у собравшихся, речи — это картина, которую давно уже Прага не видела.

Озлобление в массах против коммунистов было так велико, что часть по выходу из Острова бросилась к большевистской миссии и стоило большого труда их от этого шага удержать»¹³².

Другой корреспондент В. М. Зензинова так описывал события 11 августа 1922 г.: «Вчера, в малом зале Жофина в 5 час. был митинг протеста, народу было около 400 ч. Говорили представители соц. партии и Союза возрождения казачества, принята резолюция единогласно. В 7 ч. в большом зале Жофини состоялся митинг, устроенный обоими соц. партиями Ч.-С., зал был переполнен, не поместившиеся открыли митинг в саду, где было тоже от 1 1/2 — 2000 ч., по окончании речей все собравшиеся продемонстрировали к памятнику Гуса, где еще раз выразили свой протест против крови и насилия. Подъем и настроение были чрезвычайные, мы с Л. Вас. чувствовали себя компенсированными за все пережитое; искренность чувства демонстрантов умиляла и трогала»¹³³.

Причины такой грандиозной поддержки эсеров со стороны обеих социалистических партий и рабочих очень хорошо вскрыл в одном из своих писем в ЗД ЦК ПСР секретарь «Комиссии по процессу» и Межпартийного Организационного комитета В. Пшиходский: «В Чехословакии создалось совершенно особое положение. В этой самой свободной и демократической стране в Европе пролетариат великолепно организован, вполне дифференцирован. Борьба, которую ведут здесь социалистические партии с „коммунистами“, имеет также поэтому особенный характер. Это, быть может, длительная, но искусная правильно рассчитанная „осада“, дающая уже определенные плоды — оправдывающая себя. Так, например, в Кладно, где два года тому назад объявлена была „советская республика“ и числилось 20 000 коммунистов, — теперь их там лишь 600. Социалисты здесь готовы самым решительным образом пресечь всякие эксцессы со стороны „коммунистов“, но они не хотят сами подать повод последним стать на этот путь. Вот почему мы в нашей акции протеста против большевистской юстиции и предрешенного приговора встречаем самый сердечный и дружный отзыв в политических партиях, отношение к нам самое хорошее и манифестация протеста, вероятно, будет самой дружной и мощной, но в профессиональных союзах и других не политических организациях здесь осторожны: скупы даже на резолюции. Партия с-р. хочет созвать рабочих листовками по заводам, чтоб даже с утра к вечеру можно было бы собрать митинг, который будет назначен в любой день (за исключ[ением] вторника)»¹³⁴.

Французские, английские и немецкие социалисты и профсоюзы оказались сильнее в других видах деятельности: они отличились организацией многочисленных резолюций протеста, посылкой писем и резолюций в Кремль, развертыванием кампании в собственной прессе, давлением через своих депутатов как на собственное правительство, так и на советских дипломатов, заинтересованных в признании Советской республики (эту тактику английские и французские социалисты успешно применяли и в 1924—25 гг. во время голодовок осужденных по процессу эсеров).

В каждой стране движение принимало свой особенный характер в связи со спецификой и традициями этой страны. Так, например, во Франции в поддержку эсеров выступило огромное количество всевозможных профсоюзов, федераций синдикатов, департаментских союзов и Бирж труда. В. Войтинский по этому поводу констатировал: «В этой стране, где большая часть рабочего класса до сих пор хранит заветы Великой Революции, пролетариат боролся за жизнь и свободу русских социалистов-революционеров с тем же чувством, с каким 20 лет тому назад, под руко-

водством Жореса, боролся он за торжество правды в деле Дрейфуса»¹³⁵. По подсчетам И. А. Рубановича, до 1 августа 1922 г. французские профсоюзы отправили «около 60 телеграмм и 30 писем» с протестами против процесса над эсерами¹³⁶. 40 таких писем и телеграмм было отправлено в Париж представителю советского правительства М. Скобелеву и было передано им в Москву, где они осели в делопроизводстве Политбюро ЦК РКП(б)¹³⁷. А в брошюре В. Войтинского «Двенадцать смертников» одно перечисление французских профсоюзов заняло больше страницы¹³⁸.

Впрочем, протестовали социалисты, профсоюзы и общественные деятели отнюдь не только Франции, Великобритании, Германии, но почти всех европейских стран. Некоторая, весьма незначительная, часть всех посланий, обрушившихся на Кремль, но дающая, тем не менее, весьма яркое представление и о самом разном составе протестантов, и об их настроениях, осела в трех тематических делах фонда Политбюро, хранящемся в Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ)¹³⁹. Свои протесты выразили крупнейшие социалистические партии Европы: французские социалисты (СФИО и ПСФ), германская социал-демократическая партия, германские независимые социалисты, Британская рабочая партия, Английская независимая социалистическая партия, Британская социал-демократическая федерация, Бельгийская социалистическая партия, социалистическая и социал-демократическая партии Чехословакии, социал-демократическая партия Италии, социал-демократические партии Швеции и Голландии, социалистические партии Болгарии, Польши, Латвии, Литвы и даже объединенные социалистические партии Индии. С протестом также выступили социалисты Белоруссии, Украины, бундовцы, социалисты-сионисты и меньшевики¹⁴⁰. Протестовали также многочисленные небольшие социалистические организации, вроде анархистской группы Зейлера из Цюриха, или французских организаций типа социалистической группы в Пантэне, секции в Авэне, 14-й секции Сенского департамента, социалистических федераций Юры, Бувэ, Роны, Верхней Соны и т. п.¹⁴¹. Еще более пестрая картина была с протестами профсоюзов¹⁴². Огромнейшее значение имели протесты писателей — М. Горького, Анатоля Франса, Анри Барбюса, Ромена Роллана, Герберта Уэллса¹⁴³.

Протестной кампанией были охвачены, можно сказать, почти все видные научные и общественные фигуры Франции и Германии, что отчасти было заслугой эсеров-эмигрантов, нашедших верную технологию сбора подписей под протестами. Об этом можно судить по немецким текстам типового содержания, с которыми обращались к намеченным заранее лицам. В Германии такие протесты подписали Альберт Эйнштейн, Г. фон Герлах, Гарри граф Кесслер, Эрнст Федер, главный редактор «Парламентскореспондент» центра доктор Фортман, член рейхстага доктор Рудольф Гильфердинг, доктор Пауль Натан, бывший министр профессор Гуго Прейс, главный редактор «Форвертса» Фридрих Штамперер, редактор «Берлинер Фольскцайтунг» Карл Феттер, редактор «Франкфуртер Цайтунг» доктор Б. Гутман, Габриеле Рейтер, Бернгардт Кемлерман, Феликс Либерман, профессор Алоиз Риль, доктор Рудольф Брейтшейд, Г. Зудерман, Г. Штребель, И. Сассенбах и др. Во Франции протесты подписали многие профессора Сорбонны: А. Олар, Габриэль Сеайль, Р. Шнейдер, Анри Озер, П. Леви-Брюль, Л. Брунвиг, Виктор Баги, Ш. Сеньобос, а кроме того Поль Пенлевэ, А. Мельэ, Эмиль Борель, Аллеман, Ксабье Леон, Шарль Жид, Эмель Терквам, Ж. Адамар, Анри Леви-Брюль, П. Альфандери, Жанна П. Альфандери, доктор Марсель Леви-Брюль, Ж. Бруншви и многие другие¹⁴⁴.

Слитный хор социалистических организаций и партий, а также Второго и Венского Интернационалов, профсоюзов и видных авторитетных общественных деятелей, писателей, ученых, безусловно, стал мощной силой, с которой были вынуждены считаться и советское руководство (от руководителей Коминтерна до дипломатов), и местные коммунистические и прокоммунистические организации, чувствовавшие себя в этой атмосфере весьма неуютно. В этой связи представляется неслучайным, что руководители Коминтерна и советского внешнеполитического ведомства и в эти и в последующие годы были сторонниками более мягких мер в отношении преследуемых режимом российских социалистов, т. к. более суровые меры рикошетом были и по ним. Несомненно, мощная кампания поддержки подсудимых эсеров была неприятным сюрпризом для большевиков и имела для них весьма серьезные последствия: она ломала их имидж, разоблачая их как палачей (к тому же не стыдящихся своего палачества), наносила мощный удар по европейским коммунистам и всем просоветски настроенным элементам (многие из них были вынуждены даже присоединить свой голос к хору протестующих). Представляется, что это было одно из первых сокрушительных поражений большевиков в глазах европейского общественного мнения, поражение, имевшее серьезное значение. Именно тогда и начинает формироваться мнение о несовместимости коммунизма и демократии, неприятие практики подавления коммунистами инакомыслия, где бы оно ни проявлялось. В этом контексте становится понятным совершенно неожиданное переплетение в глазах французской общественности двух, казалось бы, совершенно разных карательных мероприятий большевистской власти — против эсеров и против церкви, о чем свидетельствует письмо В. О. Фабриканта пражским эсерам от 11 сентября 1922 г.: **«Меня настоятельно просят дать на французском языке сводку сведений о гонениях и расстрелах русского духовенства для энергичнейшей кампании по этому поводу в прессе. Непременно и не откладывая пришлите мне эту сводку. Это облегчит нашу кампанию в пользу москвичей»**¹⁴⁵.

Роль, которую сыграла эсеровская эмиграция (при помощи меньшевиков, о чем писалось выше) в развертывании протестной кампании в Европе, трудно переоценить. Так же, как и ту роль, которую она сыграла при вынесении приговора подсудимым. В. М. Зензинов не без оснований полагал, что она спасла жизнь части из них, которым грозил смертный приговор¹⁴⁶.

Представление о той роли, которую сыграли эсеры-эмигранты в развертывании кампании в Европе, можно получить и из доклада Заграничной Делегации ПСР, сделанного 1 апреля 1923 г. для Бюро международного социалистического интернационала, гласившего: «Почти весь характер работы Делегации в 1922 г. определился известным Московским процессом, который был для партии не узко-партийным делом, но борьбой против всего коммунистического террора и режима. Так понимали этот процесс наши товарищи на суде, так понимала его и Заграничная Делегация. Поэтому вся кампания в связи с процессом была поставлена в широком международном масштабе.

а) Делегацией был приобретен ежедневный печатный орган „Голос России“, который издавался в течение 7-ми месяцев, с Марта по Сентябрь 1922 г.

б) К Берлинскому совещанию был выпущен специальный меморандум на немецком, французском, английском и русском языках, посвященный большевистскому террору.

в) В течение 4-х месяцев издавался ежедневный бюллетень „Соц.-рев.“, дававший информацию как о ходе процесса, так и вообще о положении России. Бюллетень этот издавался на немецком, французском, английском, итальянском и еврейском языках.

г) Издана на русском, английском, французском и немецком языках книга в 18 печатных листов „ЧЕ-КА“.

д) Изданы открытки с фотогр. подсудимых с.-р. и их защитников.

е) В экстренных случаях рассылались телеграммы по 60-ти адресам социалистических организаций.

ж) Издана книга „12 смертников“, на русском, чешском, французском, английском и немецком языках.

з) Было оказано содействие по отправке защитников-социалистов на Московский процесс.

и) Были совершены специальные поездки в Англию, Чехию, Бельгию, Францию, Болгарию, Италию, Прибалтику, Австрию.

На ряду со всей этой работой поддерживалась самая тесная связь с Россией»¹⁴⁷.

Анализируя в целом антибольшевистскую протестную кампанию, охватившую Западную Европу, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, именно в это время, благодаря во многом процессу над эсерами, в европейских демократических и социалистических кругах взамен романтизированного представления о смелых социальных экспериментах «первого в мире государства рабочих и крестьян», утверждается более адекватное представление о недемократичности советского режима и правовом нигилизме его руководителей. Во-вторых, европейские социалистические партии получили (при помощи эсеров и меньшевиков) прекрасную возможность дать хороший бой как Коминтерну в целом, так и своим собственным национальным компартиям. Удар по их авторитету был весьма ощутимым, что позволило притормозить расширение коммунистического движения в большинстве европейских стран, и укрепить позиции обоих социалистических Интернационалов. В-третьих, были осложнены отношения советского государства с европейскими. В-четвертых, вместо желаемой дискредитации эсеров (и меньшевиков), большевики получили прямо обратный результат — рост их известности и авторитета в некоммунистических слоях рабочего класса, в демократических и социалистических кругах Европы. В-пятых, эсеры и меньшевики заняли вполне достойное место среди европейских социалистических партий, рассматривавших их отнюдь не как «бедных родственников», а как надежных и опытных союзников в борьбе с «коммунистической экспансией».

Продемонстрировав всему миру весьма своеобразное понимание, с одной стороны, допустимых методов и способов борьбы со своими политическими противниками, а с другой — устоявшихся норм и принципов юриспруденции, власть уподобилась унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекала. Большевицкое руководство поняло это слишком поздно (несмотря на тревожные сигналы и мрачные прогнозы отдельных дипломатов и коминтерновцев). Самое любопытное, что реакция на это понимание у «твердокаменных» и «мягких» большевицких лидеров оказалась абсолютно разной. «Мягкие» думали, как смягчить тяжелое впечатление, произведенное на самые различные общественные круги Запада, как восстановить свой авторитет и влияние, а «твердокаменные» — стали срывать свое зло на 22-х не сдавших эсерах. Эта реакция вымещения бессильной злобы и ярости была политически нерациональной, но поделать с собой часть большевицкой верхушки и чекисты ничего не могли. Самый яркий

пример — это устройство осенью 1922 г. для 22-х эсеров такого тюремного режима, который диктовался, прежде всего, желанием мести, а мотивы изоляции от внешнего мира становились скорее удобным предлогом для этого. Нерациональность такого поведения была очевидна: в течение нескольких лет заграничные эсеры, меньшевики совместно с европейскими социалистами вели активную кампанию против режима, созданного для политзаключенных в советских тюрьмах. Эта кампания наносила колоссальный удар по авторитету советского государства и Коминтерна, что в конечном счете заставило отступить даже «непримиримых».

Примечания

- ¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов/ Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М., 2002. С. 548—549. См. также: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров / Пер. с англ. М., 1993. С. 163.
- ² Там же. С. 419
- ³ Там же. С. 398.
- ⁴ Там же. С. 404.
- ⁵ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 107—110.
- ⁶ Там же. Л. 111.
- ⁷ Там же. Т. 63. Л. 155, 155об.
- ⁸ Двинов С. Кровавая пошлость (Письмо из Москвы) // Социалистический вестник. 1922. № 15. С. 6.
- ⁹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 52.
- ¹⁰ Там же. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Л. 3.
- ¹² Там же. Л. 4.
- ¹³ Там же. Л. 5.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 8.
- ¹⁷ Там же. Л. 9.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 14.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 15.
- ²² Там же. Л. 16.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 18.
- ²⁷ Там же. Л. 20.
- ²⁸ Там же. Л. 21.
- ²⁹ Там же. Л. 24.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Л. 34.

- 34 Там же.
- 35 Там же. Л. 43.
- 36 Там же. Л. 27.
- 37 Там же. Л. 33.
- 38 Там же. Л. 31, 32.
- 39 Там же. Л. 26.
- 40 См., например: Там же. Т. 41. Л. 22.
- 41 Там же. Л. 12—20б., 10.
- 42 Там же. Л. 21.
- 43 Там же. Т. 46. Л. 9—17.
- 44 Там же. Л. 3—30б.
- 45 Там же. Л. 9.
- 46 Там же. Л. 10
- 47 Там же.
- 48 Там же. Л. 11.
- 49 Там же. Л. 11—12.
- 50 Там же. Л. 12.
- 51 Там же. Т. 41. Л. 1.
- 52 Там же. Л. 2.
- 53 Там же.
- 54 Там же. Л. 10
- 55 Там же. Л. 21.
- 56 Там же. Л. 20.
- 57 Там же. Л. 23.
- 58 Там же. Л. 422.
- 59 Там же. Л. 33.
- 60 Там же. Л. 25.
- 61 Там же. Л. 39.
- 62 Там же. Л. 35.
- 63 Там же. Л. 36.
- 64 Там же. Л. 41—41 об.
- 65 Там же. Л. 39.
- 66 Там же. Л. 39.
- 67 Там же. Л. 128.
- 68 Там же. Л. 175.
- 69 Там же.
- 70 Там же. Л. 172.
- 71 Там же. Л. 182, 182 об.
- 72 Там же. Л. 186.
- 73 Там же. Л. 225.
- 74 Там же. Л. 226.
- 75 Там же. Л. 227.
- 76 Там же. Л. 363.
- 77 Там же. Л. 26, 26об., 27.
- 78 Там же. Л. 473, 473об., 474, 474об.
- 79 Там же. Л. 475.
- 80 Там же. Л. 475, 475об., 476.
- 81 Прохоров В. П. Гражданская война: эскалация насилия в свете архаизации массового сознания // *Духовность. Журнал гуманитарных исследований*. Книга третья. Сергиев Посад. 2003. С. 117.

- 82 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 396.
- 83 Там же. С. 414.
- 84 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 8.
- 85 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 419.
- 86 Там же. С. 549.
- 87 Там же. С. 489.
- 88 Двинов С. Кровавая пошлость. С. 5.
- 89 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 25. Л. 312—314.
- 90 Там же. Л. 315—317.
- 91 Там же. Л. 317.
- 92 Там же. Л. 317.
- 93 Там же. Л. 319.
- 94 Там же. Л. 320.
- 95 Там же.
- 96 Там же. Л. 321.
- 97 Там же. Л. 322—324.
- 98 Там же. Л. 324—326.
- 99 Там же. Л. 327.
- 100 Там же. Л. 327.
- 101 Там же. Л. 328—331.
- 102 Там же. Л. 331—333.
- 103 Там же. Л. 333.
- 104 Там же. Л. 334—335.
- 105 Там же. Л. 336.
- 106 Там же. Л. 338.
- 107 Там же.
- 108 Там же.
- 109 Там же. Л. 338—341.
- 110 Там же. Л. 341—342.
- 111 Там же. Л. 342—343.
- 112 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 786.
- 113 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 25. Л. 344.
- 114 Двинов С. Кровавая пошлость. С. 6.
- 115 Донской Дмитрий Дмитриевич. Сб. док-тов и мат-лов / Сост. Я. А. Яковлев. Томск, 2000. С. 141—144.
- 116 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 48. Л. 209.
- 117 См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 321, 341—351, 356—359.
- 118 Там же. С. 474—477.
- 119 Там же. С. 479—481.
- 120 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 67.
- 121 Там же. Л. 68.
- 122 ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об.
- 123 Там же. Д. 2. Л. 17, 18.
- 124 Там же. Л. 21.
- 125 Там же. Д. 12. Л. 17.
- 126 Там же. Д. 3. Л. 11.
- 127 Там же. Л. 2.
- 128 Там же. Л. 12.

- ¹²⁹ Там же. Л. 17.
- ¹³⁰ Там же. Л. 13, 17.
- ¹³¹ Там же. Л. 21 об.
- ¹³² Там же. Д. 2. Л. 19об.—20 об.
- ¹³³ Там же. Л. 21—21 об.
- ¹³⁴ Там же. Л. 29.
- ¹³⁵ Войтинский В. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 89.
- ¹³⁶ ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.
- ¹³⁷ См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 328—329 (перечисление).
- ¹³⁸ Войтинский В. Двенадцать смертников. С. 89—90.
- ¹³⁹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 16, 17, 18 (эти дела вобрали в себя комплекс делопроизводства Политбюро, посвященный выработке и реализации линии большевистского режима в отношении партии социалистов-революционеров).
- ¹⁴⁰ Войтинский В. Двенадцать смертников. С. 88.
- ¹⁴¹ Там же. С. 90.
- ¹⁴² Там же. С. 89—90.
- ¹⁴³ Там же. С. 91.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 90—91.
- ¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
- ¹⁴⁶ См.: Янсен М. Суд без суда. С. 183.
- ¹⁴⁷ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 594.